

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Издательства «За права военнослужащих»

Издательством «За права военнослужащих» выпущены новинки: «Комментарий ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»; «Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих»; «Военно-уголовное право» (учебник); «Нарушения специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности»; «Справочник военного автомобилиста»; CD-ROM «ВОЕННОЕ ПРАВО», 2007 г., версия 6.0.

Кроме того, пока еще можно приобрести следующие практические военно-правовые издания: комплект наглядных пособий «Аллея Героев РФ»; «Правовые основы воспитательной работы в ВС РФ»; «Комментарий ФЗ «Об обороне»; «Комментарий ФЗ «О статусе военнослужащих» (издание 4-ое, переработанное и дополненное); «Комментарий ФЗ «О ветеранах»; «Комментарий к Трудовому Кодексу РФ» (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала); «Комментарий законодательства о возмещении вреда военнослужащим»; «Юридический справочник призванного»; «Юридический справочник военнослужащих женского пола»; «Справочник военнослужащего по тыловым вопросам»; «Увольнение с военной службы. Пребывание в запасе» (справочник); российский военно-правовой сборник «Военное право в XXI веке»; российский военно-правовой сборник «Актуальные проблемы материального обеспечения военнослужащих»; российский военно-правовой сборник «Актуальные проблемы жилищного обеспечения военнослужащих»; «Прохождение военной службы» (сборник нормативных актов военных министерств и ведомств); «Жилищное обеспечение военнослужащих» (сборник нормативных актов военных министерств и ведомств); «Денежное довольствие военнослужащих» (сборник нормативных актов военных министерств и ведомств); «Служебное разбирательство и административное расследование в воинской части» (практическое пособие); «Право социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей»; «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права»; «Социальные гарантии военнослужащих — участников боевых действий на территории Северо-Кавказского региона РФ и членов их семей»; «Жилищное право» (учебник); «Судебная практика по применению законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих (издание 2-е, переработанное и дополненное); «Как защитить свои права военнослужащему в суде и административном порядке» (практическое пособие); «Обязательное государственное страхование и единовременные пособия для военнослужащих, получивших повреждение здоровья».

Для получения книг (по ценам издательства) по почте с оплатой наложенным платежом заявки направлять по адресу: 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 40, «За права военнослужащих». Телефоны для справок: 334-98-04; 334-92-65 (10.00—17.00 в будние дни, время московское). Наш адрес в Интернете — <http://www.voennopravo.ru>

В любом почтовом отделении с любого месяца можно подписаться по каталогу «Роспечать» на следующие периодические издания РОД «За права военнослужащих»:

1. Журнал «ПРАВО В ООРУЖЕННЫХ СИЛАХ» — это комментарий военных законов, приказов руководителей силовых структур России; тематические рубрики: «Увольняемому с военной службы», «Социальная защита военнослужащих», «Жилищное право и военнослужащий», «Дела судебные», «В записную книжку призывнику», «Армия с женским лицом», «Диалог с читателем» (ответы на вопросы читателей), «Правовая страница командира», «Труд гражданского персонала» и др.; вкладки: «Новое военное законодательство», «Военно-уголовное право», «Воспитательная работа в воинской части», «Финансово-экономическая работа в воинской части».

Периодичность выхода журнала — ежемесячно. Объем журнала — 128 страниц. Издается с 1997 года. Подписной индекс на полугодие — 72527.

2. «ПРАВО В ООРУЖЕННЫХ СИЛАХ — КОНСУЛЬТАНТ» — серия книг и практических пособий по военному праву и актуальным вопросам военного законодательства. Периодичность — ежемесячно. Объем — 240—600 страниц. Подписной индекс — 79205.

При издательстве действует юридический консультационный пункт, где есть возможность получить разъяснения по самым сложным вопросам военного законодательства. Предусмотрена работа с регионами. Предварительная запись по телефону: 334-98-04.

**Внимание! Электронную версию журнала читайте на сайте
Министерства обороны РФ — <http://www.WM.mil.ru>
E-mail: voenmysl@mail.ru
Журнал находится в свободной продаже в РИЦ МО РФ.**

Подписной индекс журнала — 70203

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2007. № 5. 1 — 80

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

военно-теоретический
журнал

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

Военная Мысль 2007 № 6 июнь

№ 6

2007

ИЮНЬ

Парад Победы

8 МАЯ 1945 ГОДА в Карлсхорсте — пригороде Берлина — был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Гитлеровская военная машина разрушилась. Третий рейх пал. Весь мир торжествовал победу.

Вскоре наша страна с бурным ликованием, бьющим через край счастьем встречала эшелоны возвратившихся в родные края воинов-победителей. Перроны вокзалов, прибывавшие поезда с фронтовиками буквально утопали в живых цветах.

Спустя две недели после победного дня, 24 мая, Москва распахнула двери древнего Кремля перед организаторами и творцами Победы. В Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь командующих войсками Вооруженных Сил. Отчизна чествовала руководителей государства, прославленных полководцев, людей армии и флота, знатных передовиков производства, выдающихся конструкторов боевой техники и оружия, известных деятелей науки, культуры и искусства.

Закономерным апофеозом всенародных торжеств стал волнующий, незабываемый парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня. Много праздничных шествий, народных гуляний знает седающая брусчатка главной площади страны. На особое место в их исторической череде занимают две манифестации, как бы обрамляющие пору великого военного испытания, с честью выдержанного нашей державой: суровый, деловито озабоченный и все же торжественный марш войск действующей армии 7 ноября 1941 года от кремлевских стен прямо на фронт и величественное, радостное шествие победителей 24 июня 1945 года.

Принимал парад Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, командовал — Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Имена этих выдающихся советских военачальников прочно вошли в историю Великой Отечественной войны. Под их руководством были разработаны и практически осуществлены планы блестящих операций, которые завершились водружением Знамени Победы над рейхстагом и полным разгромом гитлеровской Германии.

Для участия в торжественном шествии каждый фронт послал в Москву лучших своих представителей. Сводные полки фронтов — Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусских, 1, 2, 3 и 4-го Украинских, Военно-Морского Флота, а также войск Московского гарнизона состояли из самых прославленных воинов — Героев Советского Союза, кавалеров орденов Славы, наиболее отличившихся орденосцев. Во главе колонн под овеванными славой боевыми знаменами шли выдающиеся полководцы, командующие и командиры наиболее прославившихся соединений и частей фронтов.

Громом аплодисментов и раскатами «ура!» встретили участники парада и собравшиеся на трибунах Красной площади появление легендарного Знамени Победы, которое пронесли Герои Советского Союза сержант М.А. Егоров и младший сержант М.В. Кантария.

Два часа демонстрировала свою мощь армия-победительница, два часа восторженно рукоплескали москвичи и гости столицы от имени всего советского народа вооруженным защитникам Отечества, завоевавшим блистательную победу.

Сводный оркестр из 1400 человек под управлением генерал-майора С.А. Чернецкого и полковника В.И. Агапкина сопровождал движение войск боевыми маршами. А когда оркестр умолк и лишь дробь барабанов нарушила воцарившуюся над площадью тишину, к трибуне подошли двести фронтовиков с трофейными вражескими знаменами. Шеренга за шеренгой воины поворачивали к Мавзолею В.И. Ленина и бросали на камни Красной площади захваченные в боях штандарты и знамена уничтоженной гитлеровской армии.

Это было не только символическим воплощением закономерного торжества нашего правого дела, но и выразительным грозным предупреждением всем агрессивным силам: гибельный, позорный конец ждет всякого, кто посягнет на нашу Родину, на свободу ее народа.

С тех пор прошло немало лет. Много изменилось на нашей планете, в нашей стране и ее Вооруженных Силах. Но лучшие качества воинов-победителей как эстафета передаются от отцов сыновьям и внукам, тем, кто с оружием в руках стоит на страже мирного труда людей сегодня и будет стоять завтра.

Наши поздравления

2 ИЮНЯ 2007 ГОДА исполняется 50 лет ведущему научному редактору военно-теоретического журнала Министерства обороны Российской Федерации «Военная Мысль» полковнику КОРОЛЬКОВУ Юрию Михайловичу.

Юрий Михайлович окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского (ныне - Петра Великого) (1979), факультет руководящего инженерного состава этой же академии (1987), очную адъюнктуру в/ч 01168 (1995); прошел профессиональную переподготовку «Государственное управление», курсы повышения квалификации «Органы государственного управления и СМИ» и краткосрочное обучение «Национальная безопасность Российской Федерации» в Российской академии государственной службы при Президенте РФ (1999-2002). Его служебный путь - от инженера, начальника смены ГУКОС до начальника Центра военно-научной информации МО РФ и главного редактора Агентства «Военинформ» МО РФ - охватывает все этапы нелегкой офицерской службы. Ю.М. Корольков - кандидат технических наук, член-корреспондент Академии качества и Ассоциации качества, профессор Академии военных наук, автор более 70 научных работ, а также полутора десятка изобретений; являлся членом редакционных коллегий журналов «Информатизация и связь» и «ОБЖ. Основы безопасности жизни». В настоящее время Юрий Михайлович многое делает для роста популярности и повышения авторитета журнала «Военная Мысль» в военных научных кругах. Его статьи по тематике военной политики, автоматизации управления войсками (силами) и оружием, информатизации, информационному противоборству, военному обучению и образованию, истории и актуальным вопросам тылового обеспечения неизменно вызывают живой интерес у читателей.

За добросовестную службу Юрий Михайлович многократно поощрялся командованием, награжден многими медалями, удостоен звания «Ветеран Вооруженных Сил».

Редакционная коллегия и редакция журнала сердечно поздравляют Юрия Михайловича КОРОЛЬКОВА с юбилеем, желают ему новых успехов в служебной деятельности, благополучия и счастья!

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

6 июнь 2007

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С.В. Родиков
(главный редактор)
А.В. Алешин
Ю.Н. Балувский
О.В. Бурцев
В.Н. Бусловский
М.Г. Вожакин
М.А. Гареев
В.И. Исаков
В.Н. Каранкевич
(зам. главного редактора)
Ю.М. Карасев
А.Ф. Клименко
А.П. Колмаков
В.Н. Кузнецов
Н.П. Лясколо
А.Ф. Маслов
А.М. Московский
В.И. Останков
В.А. Попов
М.М. Попов
В.А. Поповкин
А.С. Рукшин
Е.И. Семенов
(отв. секретарь редакции)
Н.И. Сердцев
А.С. Скворцов
В.В. Смирнов
В.И. Филиппов
С.В. Хуторцев
А.Я. Черныш
Ю.М. Чубарев
(зам. главного редактора)
В.В. Юдин

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119160, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38д.
Редакция журнала
«Военная Мысль»

Телефоны:
157-83-35, 157-87-79
Факс: 157-83-46

Вниманию авторов!

Для выплаты авторского гонорара необходимо сообщать в редакцию свой ИНН, адрес, серию и номер паспорта, дату рождения и номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования.

© «Военная Мысль», 2007

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

- А.Ф. КЛИМЕНКО** — Перспективы взаимодействия России, Индии и Китая в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты 2
- Б.С. САРСЕКОВ** — Опыт деятельности Антитеррористического центра государств — участников СНГ по нейтрализации угроз террористического характера 10

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

- И.Н. ВОРОБЬЕВ** — Информационно-ударная операция 14
- П.А. ДУЛЬНЕВ** — О необходимости разработки перспективной оперативной концепции 22

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

- И.В. ГРУДИНИН, П.М. ШАПКИН** — О проблеме информационного обеспечения управления огнем группировок войск ПВО СВ 29

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- А.С. НИЗОВ, Ю.В. ПРОКОФЬЕВ, Д.И. ПОПОВ** — О вероятном характере воздействия противника на железнодорожные объекты 34
- Б.Н. ГОРЕВИЧ** — Методический подход к оценке эффективности обороны объектов (на примере ПВО) 39
- В.И. ТИМОФЕЕВ** — О работе органов военного управления средствами массовой информации в период вооруженного конфликта 48

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- Ф.Г. КОЛОМОЕЦ** — Системный анализ: рекомендации по выделению, изучению, определению типа и формулированию проблемы 62

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Д.С. МИРГОРОДСКИЙ** — Исторический опыт создания и развития системы боевой подготовки Ракетных войск стратегического назначения в 1959—1965 годах 69

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СООБЩЕНИЯ 79

Перспективы взаимодействия России, Индии и Китая в двустороннем формате и в рамках ШОС: военно-политические аспекты*

*Генерал-лейтенант А.Ф. КЛИМЕНКО,
кандидат военных наук*

Перспективы многостороннего сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества

Шанхайская организация сотрудничества упомянута неслучайно. Говоря о методах и формате межгосударственного взаимодействия, следует отметить, что пройдет некоторое время и, вероятно, встанет вопрос о полноправном членстве Индии в этой организации. Будет ли соответствовать такой шаг ее интересам и интересам ее партнеров по ШОС?

В свое время посол Республики Индия в России Кришнан Рагхунатх в интервью «Независимой газете» сказал, что война в Ираке затронула интересы разных стран мира и не в последнюю очередь такой стратегически крупной азиатской державы, как Индия. Новые угрозы глобальной стабильности, в том числе проблема международного терроризма, усиливают ее

стремление добиться больших гарантий национальной безопасности, в частности через вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества¹.

Индия оценивает как очень важный для нее факт то, что сотрудничество стран — участниц ШОС «не направлено против каких-либо других государств. Индия поддерживает цели ШОС в стимулировании экономического сотрудничества, обеспечении стабильности в регионе, борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом». А взаимодействие Индии, России и Китая, учитывая ту роль, которую они играют в мировом сообществе и «сходное восприятие ими многих важных вопросов», будет способствовать «созданию рационального мирового порядка». «Наша страна, — особо подчеркнул посол, — стремится играть в ШОС конструктивную и активную роль»².

* Окончание. Начало см.: Военная Мысль. 2007. № 5.

¹ Независимая газета. 2003. 12 авг.

² Там же.

На наш взгляд, уже сегодня научному сообществу наших стран (в плане подготовки Индии к полноправному членству в ШОС) можно и нужно приступить к обсуждению проблемы многостороннего сотрудничества в рамках этой организации. Мы считаем, что здесь открываются довольно широкие перспективы.

В свое время посол России в Индии В.И. Трубников в одном из своих интервью отметил³, что сегодня перед нашими странами стоит немало сложных задач, которые можно будет решить лишь совместными усилиями:

во-первых, это противодействие современным угрозам, все в большей степени затрагивающим безопасность наших государств и международного сообщества в целом по мере усиления взаимозависимости стран в процессе глобализации. Наиболее актуальная из них — международный терроризм и связанные с ним другие, так называемые нетрадиционные угрозы; **во-вторых**, взаимодействие в ООН при проведении близких или общих позиций по ключевым проблемам, будь то укрепление роли ООН в нынешней архитектуре безопасности, или борьба против ядерной угрозы, или методы проведения миротворческих операций в «горячих точках», или реформирование ООН, в чем особенно заинтересована Индия; **в-третьих**, укрепление политического взаимодействия в формировании более справедливого многополюсного мироустройства и в развитии регионального сотрудничества в Азии.

Этот перечень можно дополнить целым рядом актуальных направлений взаимодействия в военной сфере. Среди них такие, как углубление военно-технического сотрудничества по линии реализации совместных проектов; взаимодействие в сфере профессиональной подготовки военных кадров, в первую очередь по линии миротворческих программ; решение проблемы оперативной совместимости штабов и войск при совместном их применении; взаимодействие при проведении миротворческих операций по мандату ООН и региональных международных организаций; совместная разработка научно-исследовательских проектов по актуальным проблемам безопасности; и, наконец, поэтапная подготовка к полномасштабному, всеобъемлющему и многостороннему сотрудничеству в рамках ШОС.

Возможность пополнения ШОС новыми членами вызывает некоторое беспокойство на Западе. Об этом пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор». По мнению издания, «Россия и Китай могут предпринять еще один шаг в направлении образования евразийской военной конфедерации, которая будет соперничать с НАТО»⁴.

Следует отметить и реакцию официального Вашингтона на деятельность ШОС. *В 2006 году в американском конгрессе состоялось слушание Хельсинкской комиссии США (комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе) на тему «Шанхайская организация сотрудничества: подрывает ли она интересы США в Центральной Азии».* Его участники пришли к выводу о том, что скрытая цель организации — «ослабить американское влияние в регионе». По их мнению, добиться изоляции США в Центрально-Азиатском регионе Россия и Китай могут позволить себе только одним способом — созданием военного блока, способного противостоять НАТО. Американские эксперты отмечают, что появление такого военного союза возможно лишь на базе Шанхайской организации сотрудничества. Подобные выводы западных специалистов основываются на том, что участников ШОС объединяют, по сути,

³ Газета «Хинду». 2004. 9 авг.

⁴ Красная звезда. 2005. 27 окт.

общие внешнеполитические интересы, что, безусловно, облегчает процесс создания нового блока. *Прагматики из Вашингтона рассчитали, что, во-первых, совокупный военный потенциал стран-участниц позволит создать практически равнозначный противовес НАТО в любой точке региона и защитить более слабые в военном отношении государства — члены организации; во-вторых, финансовый потенциал участников военного блока на основе ШОС способен сделать возможным максимальную интеграцию вооруженных сил между этими странами; и самое главное — превращение Шанхайской организации в евразийский военный блок позволит создать для его участников условия для более скорого и эффективного развития, так как снизит политическое и военное давление со стороны третьих стран.*

Действительно, если проанализировать ориентировочные показатели только трех государств—членов и наблюдателей ШОС, представленные в таблице, задуматься есть над чем. Видимо, это и вызывает особую обеспокоенность Запада, что лишь добавляет ШОС авторитета и внешнеполитического веса.

Совокупный военный потенциал России, КНР и Индии

Показатели	Россия	Китай	Индия
Население (тыс. человек)	142 600	1 255 000	1 016 242
Вооруженные силы (тыс. человек)	1 180	2 470	1 303
Сухопутные войска (тыс. человек)	322	1 730	1 100
ВВС и ПВО (тыс. человек)	320	420	150
ВМС (тыс. человек)	150	220	53
Ядерные силы (боезаряды), ед.	7 800	400	30—40
Мобилизационные возможности (тыс. человек)	35 250	343 000	287 600

Примечание: Таблица составлена по данным зарубежных источников: СИПРИ, 2005 г.; THE MILITARY BALANCE, 2004—2005 гг.

Однако американские эксперты по укоренившейся привычке замечать только конъюнктурные и выгодные факты игнорируют уставные документы ШОС, в которых сказано, что организация не является военно-политическим блоком. Представители ШОС неоднократно подчеркивали, что она готова сотрудничать со всеми странами и международными организациями в интересах укрепления стабильности и безопасности. И эти призывы находят понимание со стороны Североатлантического альянса. Так, специальный представитель генерального секретаря НАТО по странам Кавказа и Центральной Азии Роберт Симмсон дал понять, что в Брюсселе «рассчитывают на сотрудничество с ШОС по обеспечению стабильности в Центральной Азии, а НАТО не будет конкурировать с ШОС в решении этой задачи»⁵.

И действительно, один из первых пунктов Декларации о создании ШОС гласит, что *целями организации являются «укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-участниками, обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе, построение нового, демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»*⁶.

⁵ Независимое военное обозрение. 2005. 2—8 сент.

⁶ Официальный сайт МИД РФ, <http://www.in.mid.ru>.

Все члены и наблюдатели ШОС (Россия и ее центрально-азиатские союзники, Индия и Китай) способны оказывать серьезное влияние на происходящие в мире процессы. У всех этих государств имеется значительное совпадение оценок в отношении многих вопросов международной политики. Все они выступают за справедливое многополюсное мироустройство, против односторонних действий и диктата в международных отношениях. Общность их позиций проявляется в отношении к Ираку, Афганистану, по проблемам терроризма, религиозного экстремизма и незаконного оборота наркотиков. Это создает хорошую основу для многостороннего взаимодействия в рамках ШОС.

Например, в последние годы заметно укрепилось сотрудничество России и Индии в борьбе с террористической угрозой. Основные принципы российско-индийского взаимодействия в этой области уже нашли отражение в подписанных обеими странами документах. Сегодня наши государства совместно продвигают в ООН *индийский проект «Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом»* и *российский проект «Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма»*. Участники ШОС разделяют общее видение проблемы сохранения мира и стабильности в соседней Южной Азии.

В условиях дальнейшей эскалации терроризма и активной перестройки его международных структур актуальной становится более тесная координация антитеррористических усилий, информационный обмен и взаимодействие ведомств, на которые возложены непосредственные задачи по практическому противодействию угрозе терроризма и торговле наркотиками, подпитывающей террористические организации в финансовом отношении. Уже имеются механизмы, в рамках которых идет активная работа: в частности, российско-индийская рабочая группа по противодействию международному терроризму, рабочая группа по противодействию глобальным вызовам, рабочие группы советов безопасности России и Индии по проблемам терроризма, международной и региональной безопасности. К перечисленным двусторонним механизмам сотрудничества можно было бы добавить *Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) ШОС*, ее усилиями осуществляется мониторинг текущей обстановки и происходит обмен информацией о деятельности международных террористических группировок. Индия, располагающая значительным опытом, информационными и техническими возможностями, могла бы принести немалую пользу деятельности РАТС. Присоединение Индии к работе РАТС ШОС подняло бы уровень нашего взаимодействия на многостороннюю основу и повысило бы его эффективность.

Объявленное талибами и «Аль-Каидой» создание своего государства в «Вазиристане», на подконтрольных Пакистану территориях, показывает, что угроза от экстремистских группировок, нашедших там пристанище, не уменьшается. Поэтому актуализируются следующие направления сотрудничества в формате ШОС, касающиеся индо-пакистанских отношений (Пакистан также принят наблюдателем в эту организацию): продолжение политического диалога между двумя странами в ее рамках; укрепление мер доверия; налаживание деловых, научных, культурных и спортивных связей. Все это может создать необходимые условия для снижения угрозы терроризма с пакистанской территории. Представляется, что уменьшению данной опасности могло бы способствовать подключение РАТС ШОС к содействию Пакистану в ликвидации террористической инфраструктуры на подконтрольной ему территории и пресечению проникновения террористов через линию контроля в индийский штат Джамму и

Кашмир. ШОС могла бы, насколько это приемлемо для обеих сторон, содействовать положительной динамике в отношениях между Дели и Исламабадом.

Следующая важная на сегодня проблема — *дальнейшая нормализация отношений между Индией и Китаем*. Сейчас отношения Индии с КНР, как и с Россией, возведены в категорию стратегического партнерства. С 2002 года проводятся встречи министров иностранных дел трех стран в период проведения сессий Генеральной Ассамблеи ООН, регулярно встречаются представители России, Китая и Индии при ООН, активно развивается диалог между политологами и военными специалистами стран. Наблюдатели от Индии присутствовали на российско-китайских маневрах «Мирная миссия — 2005». Углубляются связи в торгово-экономической области. Хорошие перспективы вырисовываются в области сотрудничества в энергетической сфере.

Как известно, ахиллесовой пятой Индии является нехватка нефти. Ее импорт достигает, по сообщениям иностранной печати, 70 %. Китай не меньше Индии нуждается в углеводородном сырье. Поэтому понятно стремление некоторых западных политиков сталкивать лбами Китай и Индию в соперничестве за энергетические поставки.

Это понимают и в Индии, и в Китае. «Нас противопоставляют друг другу и практически всегда делают это ради выгоды третьей страны», — заявил министр нефти и газа Индии Мани Шанкар Айяр. В противовес подобной политике, отметил он, два крупнейших азиатских государства будут стремиться к сотрудничеству в получении зарубежных энергетических ресурсов, чтобы избежать тем самым дорогостоящего соперничества. К этому можно добавить, что Индия уже инвестировала 1,7 млрд долл. в нефтегазовый проект «Сахалин-1». Ее доля в этом проекте, по индийским источникам, равняется 20 %. Россия, сообщают эти источники, предложила Индии участвовать в проекте «Сахалин-3», а также в разработках запасов углеводородов в Восточной Сибири и на Каспии. В то же время индийская Компания по нефти и газу собирается заключить соглашение о стратегическом партнерстве с «Газпромом» о прокладке транспортных путей и строительстве трубопроводов для поставки энергоресурсов из Ирана, Мьянмы (Бирмы) и стран Центральной Азии в Индию⁷.

Таким образом, в настоящее время у Индии и Китая появились интересы, требующие объединения усилий для обеспечения энергетической безопасности, наметились точки приложения этих усилий. Прокладка трубопроводов в обозримой перспективе через территорию Пакистана и Афганистана по известным причинам нереальна. Альтернативой может быть только продление строящихся трубопроводов в Китай на территорию Индии. В Индии это понимают. Поэтому обе страны должны работать с Россией, Казахстаном, Ираном и договариваться между собой для обеспечения возрастающих потребностей в углеводородном сырье с устраивающим всех результатом. Это возможно только на многосторонней основе. Очевидно, что именно такие цели преследуются участниками ШОС, ведущими в настоящее время разработку предложенной президентом Казахстана «Азиатской энергетической стратегии», объединяющей «три оси» (производителей, потребителей и транспортировщиков энергетических ресурсов); подготовку предложений по созданию в рамках ШОС «своего рода клуба потребителей и производителей энергоресурсов, а

⁷ Независимая газета. 2004. 3 дек.

также разработку концепции единой газо-, нефте- и энерготранспортной системы»⁸, о чем шла речь на заседании Совета глав правительств в сентябре 2004 года.

Взаимодействие в космосе может стать столь же важным элементом российско-индийского сотрудничества, как и поставки российского оружия в Индию. Речь идет в частности о том, чтобы восстановить и найти коммерческое применение глобальной навигационной системе GLONASS, разработанной еще в СССР. Она должна стать альтернативой действующей системе GPS, находящейся под контролем Пентагона. Российское, как и индийское, руководство не устраивает, что США в периоды обострения напряженности могут «вырубить» систему во имя своих стратегических интересов. Только таким образом обе наши страны смогут покончить с зависимостью от Пентагона. В использовании системы как в мирных целях, так и в целях обороны заинтересованы и другие участники ШОС.

Наряду с этим интегрирующим фактором в рамках ШОС для заинтересованных стран (за исключением участников ОДКБ) можно отметить еще один положительный факт. 10 сентября 2005 года Президент РФ подписал Указ «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», в котором предусмотрен ряд мер по повышению эффективности ВТС. Устранены, например, факторы, сдерживающие оперативность и гибкость в этой работе, меньше стало ступеней согласования при принятии решений по поставкам продукции военного назначения. При этом усилены координирующая и контрольная функции государства в деятельности субъектов ВТС. В итоге новые шаги в области военно-технического сотрудничества призваны повысить авторитет отечественных спецэкспортеров, а также привлекательность для зарубежных партнеров российского рынка вооружений.

Можно говорить и об определенном улучшении работы по линии снабжения поставленной Россией техники запасными частями и ее технического обслуживания. Наметившиеся позитивные изменения здесь во многом связаны с выдачей новых лицензий на ведение внешнеэкономической деятельности в сфере ВТС. Сейчас предприятий, имеющих такую лицензию, шестнадцать. Их количество в дальнейшем будет увеличиваться.

Учитывая произошедшие в последние годы качественные перемены и в индийско-китайских отношениях, которые стали особенно заметны после «прорывного визита» премьер-министра Индии А.Б. Ваджапаи в Китай в июне 2003 года, можно надеяться на многостороннее сотрудничество и в такой деликатной сфере, как сотрудничество непосредственно между армиями трех стран.

Первый шаг к этому на уровне двустороннего военного сотрудничества между Индией и Россией и между Россией и Китаем сделан. В 2005 году, как уже отмечалось выше, прошли *российско-китайские учения на китайской территории и российско-индийские учения на индийской территории*. Готовятся на лето 2007 года подобные учения и на российской территории, на Урале⁹. Но на них теперь планируется приглашение представителей от армий всех государств-членов и наблюдателей ШОС.

Как отметил министр обороны Индии Пранаб Мукерджи подобные мероприятия «дают возможность строить сотрудничество

⁸ Из выступления Председателя Правительства РФ М.Е. Фрадкова на заседании Совета глав правительств ШОС в Бишкеке 23.09.2004 года.

⁹ Красная звезда. 2007. 1 февр.

между военными организациями и тем самым не только отражать развитие наших вооруженных сил, но и давать им возможность учиться друг у друга»¹⁰.

Действительно, и на российско-индийских, и на российско-китайских учениях военнослужащими и штабами армий трех стран приобретает уникальный опыт по решению задач оперативной совместимости. Президент Индийского института объединенных сил на прошедшем в конце ноября 2006 года в Дели двустороннем семинаре предложил организовать обмен полученным опытом на *многостороннем* семинаре. На наш взгляд, данное предложение заслуживает самого внимательного изучения. А впоследствии можно было бы подумать о *совместных учениях антитеррористической направленности и в рамках ШОС*. Это может быть одним из перспективных направлений многостороннего сотрудничества по военной линии в деле обеспечения безопасности в Центральной и Южной Азии.

И наконец, нельзя не затронуть вопрос о сотрудничестве в такой важной сфере, как **морская деятельность**. В последнее время стало доминировать мнение, что развитие мировой экономики будет все больше опираться на использование морских богатств, а темпы роста морской индустрии повышаться. По оценкам специалистов, к 2010 году ее валовой продукт достигнет 2 трлн долл., к 2020 году он возрастет до 3—3,5 трлн, а к 2030 году составит 5 трлн долл. В целом же через 30 лет объем производства в морской индустрии превысит 10 % мирового ВВП¹¹. При этом в большинстве прибрежных стран морские отрасли экономики будут развиваться опережающими темпами, все больше увеличивая свою долю в их национальном валовом продукте.

В связи с этим развитие государства проявляют стремление закрепиться в наиболее перспективных в экономическом и стратегическом плане морских районах. Это усиливает межгосударственное соперничество и углубляет противоречия между странами, стремящимися обеспечить свои национальные интересы на море и реализацию возможностей по расширению всех видов морепользования. Такое положение дел не может не влиять на морскую и общемировую безопасность. Поэтому, как считает контр-адмирал Г.Д. Агафонов, известный специалист в сфере безопасности морской деятельности в Восточной Евразии, «стратегическое значение морей и океанов для стабильного развития и повышения благосостояния всех стран планеты, а также для укрепления государственной, региональной и глобальной безопасности в XXI веке еще больше возрастет»¹².

Если говорить о ШОС, то в составе членов этой организации пока две морские державы (Китай и Россия), на побережье которых приходится основная часть береговой черты Азии на Тихом океане (около 85 %). С предоставлением статуса наблюдателей при ШОС еще трем морским державам (Индии, Пакистану и Ирану), которые со временем, вероятно, станут ее полноправными членами, ШОС может контролировать подавляющую часть береговой черты Азии в трех океанах. Это обстоятельство нельзя не учитывать при формулировании целей и задач организации в интересах развития взаимодействия ее членов в различных областях деятельности, в том числе в сфере безопасности.

Поэтому ШОС, участники которой обладают обширнейшими мор-

¹⁰ Красная звезда. 2005. 19 ноябр.

¹¹ International Strategic Studies. 2001. July. № 3. P. 6.

¹² Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития / Сост. А.Ф. Клименко. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 229—239.

скими зонами и имеют разносторонние и жизненно важные интересы в сфере морепользования, не должна игнорировать морское направление своей деятельности, оставаясь в стороне от тенденции ее интернационализации, и отдавать инициативу в этом деле полностью в руки других государств. Следует согласиться с Г.А. Агафоновым в том, что «ШОС пора сформулировать основные цели и задачи своей морской политики, без чего ее деятельность полноценной рассматривать уже нельзя»¹³. Тем более, что морские вопросы на межгосударственном уровне решаются далеко не просто. Здесь речь может идти о предотвращении потенциальных террористических актов на море, о контроле безопасности судоходства в Малаккском и Сингапурском проливах, который может быть организован, например, Объединенными морскими силами по борьбе с пиратством и терроризмом, созданными под эгидой двух региональных международных организаций — ШОС и АСЕАН, и наконец, о совместном освоении шельфовых зон.

* * *

В конце 2005 года в Пекине прошел форум «Международная и региональная ситуация и китайско-российское стратегическое взаимодействие». На нем обсуждались среди других и вопросы взаимодействия Москвы, Пекина и Дели с учетом обретения Индией статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества.

Глава Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками А. Кокошин в своем выступлении подчеркнул, что сотрудничество России, Индии и Китая не направлено против других государств, оно строится для более акцентированного обеспечения интересов каждой из трех сторон¹⁴. И такое взаимодействие, уверен он, будет развиваться и дальше, хотя это и не всем нравится, вызывает у некоторых политиков других стран подозрение. А. Кокошин также отметил, что сотрудничество РФ, КНР и Индии не является «альянсом или жесткой структурой». В то же время система международной безопасности станет более устойчивой, если два азиатских гиганта — Китай и Индия, а также евроазиатская Россия будут иметь отлаженную систему взаимодействия в сфере безопасности.

К сказанному можно добавить, что такая система в формате Шанхайской организации сотрудничества создана и функционирует. Проведенный нами анализ дает основание прийти к выводу о том, что ее потенциал представляет государствам-участникам серьезный шанс стать влиятельной силой на международной арене.

Взаимодействие России и Индии, России и Китая на двусторонней основе достигло высокого уровня. Но здесь не может быть самоуспокоения. Впереди немало сложных задач, которые можно решить лишь совместными усилиями многих стран, имеющих общие взгляды на развитие международных отношений. Стратегическое партнерство в рамках Шанхайской организации сотрудничества на сегодня — наиболее оптимальная модель двустороннего и многостороннего взаимодействия стран-участниц, представляющая наилучшие условия для реализации национальных интересов каждому из ее участников. Модель такого взаимодействия рассматривается, безусловно, на долгосрочную перспективу.

¹³ Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. С. 229—239.

¹⁴ Красная звезда. 2005. 24 дек.

Опыт деятельности Антитеррористического центра государств — участников СНГ по нейтрализации угроз террористического характера

*Первый заместитель руководителя Антитеррористического центра
государств — участников СНГ
генерал-майор Б.С. САРСЕКОВ*

СОДРУЖЕСТВО Независимых Государств в настоящее время представляет собой сформировавшуюся в новых геополитических условиях общность государств, базирующуюся на исторических корнях, экономическом сотрудничестве и духовной близости народов. Государства, входящие в него, наряду с национальными задачами и целями развития, имеют общие интересы и проблемы в сфере укрепления суверенитета, обеспечения региональной стабильности и безопасности. Особую актуальность они приобрели в области борьбы с международным терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, в особенности, с использованием религиозного фактора, а также в связи с влиянием на эти процессы наркобизнеса, торговли оружием, незаконной миграции и т. д.

Эскалация угроз безопасности стран Содружества со стороны международного терроризма ставит нас перед необходимостью повышения уровня координации антитеррористических усилий и поддержания более тесного сотрудничества на национальном и региональном уровнях при обязательном участии в этом процессе Организации Объединенных Наций и ее структурных подразделений.

Конечной целью этих усилий является *создание надежной и эффективной региональной системы безопасности*, важным элементом которой являются механизмы оказания технического содействия и предоставления необходимой помощи заинтересованным государствам для налаживания их систем противодействия терроризму.

Представляется, что в решении этих вопросов существенное значение могут иметь практические наработки Антитеррористического центра (АТЦ) государств — участников СНГ. Опыт нашей деятельности на пространстве Содружества позволил сформулировать *основные направления координации усилий* в области борьбы с терроризмом на национальном и региональном уровнях, по которым проводятся конкретные мероприятия международного сотрудничества в данной сфере. Такими направлениями стали: участие в разработке нормативной правовой базы по координации деятельности соответствующих национальных органов; обеспечение координации и взаимодействия государств Содружества при проведении совместных антитеррористических мероприятий; информационно-аналитическая деятельность в сфере борьбы с терроризмом на основе постоянного и полного обмена информацией между участниками антитеррористической деятельности на пространстве СНГ; регулярный обмен опытом проведения анти-

террористических мероприятий и расследования преступлений террористического характера; организация обучения специалистов антитеррористических подразделений и проведение совместных антитеррористических учений.

Необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день Антитеррористический центр СНГ является не только единственной межгосударственной, но и межведомственной структурой, объединяющей работников органов безопасности, спецслужб, министерств внутренних дел, пограничных служб и министерств обороны государств Содружества.

АТЦ СНГ осуществляет координацию усилий с другими рабочими органами СНГ, участвующими в борьбе с терроризмом. Нами подписаны соглашения об обмене информацией с Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территориях государств — участников СНГ и Координационной службой Совета командующих пограничными войсками государств Содружества.

Деятельность Центра осуществляется в тесном взаимодействии с региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества и постоянной оперативной группой Штаба коллективных сил быстрого развертывания, с которыми также заключены соответствующие соглашения.

Данные документы являются составным элементом нормативной правовой базы антитеррористического сотрудничества в регионе, базирующейся прежде всего на международных договорах в сфере борьбы с терроризмом, заключенных в рамках ООН, ее специализированных учреждений, МАГАТЭ, Совета Европы, а также других международных организаций.

Учитывая, что уровень сотрудничества государств в рамках вышеуказанных документов явно недостаточен для того, чтобы поставить надежный заслон распространению международного терроризма, государствами Содружества решается крайне актуальная задача по разработке конкретных правовых механизмов всестороннего, многоаспектного и эффективного сотрудничества.

Ее решение идет по нескольким основным направлениям, которые включают в себя формирование единой системы совместных согласованных мер организационно-правового, координационно-практического, информационно-аналитического и научно-методического характера. Реализация этих мер осуществляется в рамках разработанных при активном участии АТЦ СНГ программ сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

За прошедшее время в СНГ было создано три таких программы, последняя из которых, охватывающая период 2005–2007 годов, была принята Советом глав государств Содружества 26 августа 2005 года.

АТЦ СНГ совместно с Межпарламентской ассамблеей также проводит работу по формированию единого правового пространства, позволяющего эффективно противостоять терроризму. Принятие модельных законов и иных нормативных актов в указанной области, безусловно, помогает сложным процессам формирования национального законодательства в странах Содружества на единой методологической основе.

Одновременно с Программой сотрудничества на 2005–2007 годы Советом глав государств была утверждена *Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма*, определившая основные направ-

вления, формы и методы совместной антитеррористической деятельности. В государствах Содружества проходит согласование проект *Соглашения об обмене информацией в сфере борьбы с терроризмом*.

Еще одним инструментом организации совместной антитеррористической деятельности, позволяющим повысить эффективность координации и взаимодействия усилий компетентных органов государств Содружества, является унифицированный понятийный аппарат. В его формировании большую роль играет деятельность Научно-консультативного совета при АТЦ СНГ. Нам удалось привлечь ученых и экспертов 11 государств Содружества для выработки согласованных определений, относящихся к борьбе с терроризмом, при этом рассматривались различные подходы и оценки: политические, исторические, социальные, правовые. В итоге Центром был издан и направлен в заинтересованные ведомства государств СНГ «Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом».

Одной из приоритетных задач АТЦ СНГ остается повышение эффективности взаимодействия при проведении совместных мероприятий, направленных в первую очередь на предупреждение, выявление и пресечение актов терроризма и иных проявлений экстремизма, розыск и экстрадицию лиц, причастных к террористической деятельности.

В этой связи Центр подготовил и направил инициаторам розыска информационные сообщения в отношении установленных или задержанных лиц, причастных к террористической деятельности, в том числе разыскиваемых за совершение преступлений террористического характера, а также аналитические обзоры по ряду практических вопросов организации борьбы с терроризмом.

Практическим инструментом обмена информацией в сфере борьбы с терроризмом, позволяющим согласованно реализовывать взаимодействие компетентных органов при проведении совместных мероприятий, служит *межгосударственная автоматизированная информационная система — специализированный банк данных АТЦ СНГ*. Накапливаемые в его информационных массивах сведения активно используются нами для анализа обстановки по различным аспектам межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом.

Другим инструментом, позволяющим антитеррористическим подразделениям разных государств оперативно обмениваться необходимыми сведениями, является созданный в рамках спецслужб и правоохранительных органов государств Содружества *институт контактеров*. Закрепление функции взаимодействия за конкретными представителями ведомств, осуществляющих в соответствии с национальными законодательствами антитеррористическую деятельность, позволяет существенно сократить время доведения информации до заинтересованных подразделений и повысить мобильность проведения антитеррористических операций. Практика подобного взаимодействия неоднократно отрабатывалась в ходе проводимых в странах Содружества межгосударственных антитеррористических учений.

Центром непрерывно осуществляется сбор и анализ информации о состоянии и тенденциях развития обстановки по линии борьбы с международным терроризмом, готовятся соответствующие аналитические документы, а также рекомендации, пособия и обзоры. Центр информирует компетентные органы государств СНГ о новациях правового регулирования, осуществляет распространение трудов и статей видных научных деятелей, руководителей и специалистов компетентных орга-

нов государств Содружества по данной тематике, которые регулярно публикуются в информационном бюллетене АТЦ СНГ.

Одновременно проводятся *информационно-пропагандистские мероприятия*, направленные на дискредитацию идеологии террористических организаций, разъяснение широкой аудитории позиции государств СНГ и мирового сообщества по вопросам антитеррористической деятельности и формирование в обществе нетерпимого отношения к террористам и политическим экстремистам.

Большое значение придается Центром оказанию технической помощи в обучении специалистов и инструкторов антитеррористических подразделений компетентных органов государств — участников СНГ, включая проведение ежегодных совместных учений.

Так, при координирующей роли АТЦ СНГ были проведены совместные тактико-специальные учения «Юг — Антитеррор-2001», «Юг — Антитеррор-2002» и «Азов — Антитеррор-2003», совместное командно-штабное учение «Запад — Антитеррор-2004» и совместное учение «Каспий — Антитеррор-2005», «Атом — Антитеррор-2006», в ходе которых на практике отработывались вопросы координации действий соответствующих органов государств — участников СНГ при проведении совместных мероприятий по борьбе с терроризмом.

Весьма эффективной формой распространения передового опыта организации борьбы с терроризмом являются также организуемые АТЦ СНГ *международные научно-практические конференции, семинары и круглые столы*. Центр провел следующие международные научно-практические конференции: «Использование современных и перспективных информационных технологий в интересах специализированных подразделений по борьбе с терроризмом» (ноябрь 2004 года), «Перспективы организации борьбы с терроризмом на пространстве Содружества Независимых Государств» (июнь 2005 года), «Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом» (октябрь 2005 года); совместно с Управлением ООН по наркотикам и преступности организован и проведен в ноябре 2005 года международный семинар для государств — участников СНГ по правовой имплементации универсальных инструментов против терроризма и региональному опыту в продвижении международного сотрудничества против терроризма.

По результатам всех учений и научно-практических мероприятий, проводившихся при участии АТЦ СНГ, Центром издаются сборники материалов, которые рекомендованы для использования органами безопасности государств Содружества в практической деятельности и при разработке программ подготовки специалистов антитеррористических подразделений.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств, созданный в 2000 году, за период своего существования сформировал действенные механизмы координации взаимодействия органов безопасности, спецслужб и правоохранительных органов в борьбе с угрозой безопасности государствам Содружества со стороны международного терроризма, которые на практике доказали свою эффективность, и продолжает работу по их совершенствованию.

Информационно-ударная операция

*Генерал-майор в отставке И.Н. ВОРОБЬЕВ,
доктор военных наук*

22 июня 2007 года исполняется 85 лет нашему постоянно и преданному автору — доктору военных наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ, академику АВН и МАИ генерал-майору в отставке ВОРОБЬЕВУ Ивану Николаевичу.

Жизненный путь Ивана Николаевича, посвятившего всю жизнь служению Отечеству и внесшего значительный вклад в развитие теории военного искусства, характерен для своей эпохи. С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны он находился в действующей армии, где в составе войск Северо-Западного и 2-го Прибалтийского фронтов прошел трудный путь от командира стрелкового взвода до командира батальона. После войны И.Н. Воробьев проходил службу в ВС на различных командных, штабных и преподавательских должностях. Родина высоко оценила его заслуги — десять боевых орденов и многие медали украшают грудь ветерана.

На протяжении 55 лет И.Н. Воробьев активно и плодотворно сотрудничает с редакцией журнала. Его первая статья — «Особенности организации и ведения наступления в горах» — была опубликована на страницах «Военной мысли» в октябре 1957 года. За это время в журнале появилось более семидесяти его статей, некоторые из которых были признаны лучшими публикациями и удостоены премии Министерства обороны. Иван Николаевич является автором свыше 2100 научных работ. Он один из разработчиков популярнейшего не только в наших ВС, но и во многих зарубежных армиях военно-теоретического труда «Тактика».

В 2004 году был издан специальный выпуск журнала «И.Н. Воробьев. Мысли о тактике», основой которого стали материалы военно-теоретического труда Ивана Николаевича «Тактика — искусство боя». Материал, опубликованный в специальном выпуске, учит читателей творчески мыслить, формирует нестандартное мышление, возрождает тактику как подлинное искусство ведения боя.

Коллектив редакции и редакционная коллегия от всей души поздравляют Ивана Николаевича со знаменательной датой — 85-летием со Дня рождения, желают ему крепкого здоровья, новых творческих успехов, семейного благополучия, удачи и долгих лет служения военной науке на благо Отечества!

ИНФОРМАЦИОННАЯ борьба зародилась практически вместе с войной. Длительное время ее содержание составляли ведение разведки и противодействие ей. Заметные качественные и количественные изменения в сущности информационной борьбы произошли в войнах «машинного» периода (начало XX века), когда радиоэлектроника начала интенсивно внедряться во все области военного дела и в этой связи резко повысились боевые возможности и эффективность средств вооруженной борьбы. По мере все более широкой информатизации вооруженных сил стали создаваться новые возможности информационного воздействия на систему управления войсками и оружием.

Возрастание роли информационной борьбы в войнах происходило пропорционально увеличению насыщенности войск радио- и оптоэлектронными средствами, средствами связи, локации, навигации, телеуправления. К настоящему времени радиоэлектроника стала одним из определяющих факторов мощи вооруженных сил. Обнаружение, распознавание, определение координат целей, наведение и самонаведение на них средств поражения различных классов, навигационное обеспече-

ние самолетов, космических аппаратов и кораблей, передача распоряжений, донесений и другой информации, необходимой для деятельности войск, — вот далеко не полный перечень задач, решаемых с помощью радиоэлектронных и оптико-электронных средств.

Добиться дезорганизации системы управления войсками и оружием противника теперь можно не только путем физического уничтожения его пунктов управления, но и посредством воздействия на радиосвязь, радиолокацию, радиотелеуправление, радионавигацию, радиотелеметрию, оптико-электронную, гидроакустическую технику. Из пассивного средства воздействия на противника **радиоэлектронные средства превратились в активное наступательное оружие**, равнозначное по своей эффективности средствам огневого воздействия. В перспективе РЭБ получит еще большее развитие (рис.).

В этой связи классическая триада — «огонь, удар, маневр» — уже, на наш взгляд, не в полной мере выражает сущность боя, операции. В их содержание следует добавить радиоэлектронные действия; в результате органического слияния появляются новые формы вооруженной борьбы — электронно-огневая и информационно-ударная операции. В настоящей статье ставится цель более подробно раскрыть сущность, содержание и характерные черты информационно-ударной операции, поскольку в научных публикациях, посвященных информационной борьбе, в том числе на страницах журнала «Военная Мысль», авторы лишь косвенно, в постановочном порядке, затрагивают этот вид операции¹.

Информационно-ударная операция (ИУО) представляет собой совокупность взаимосвязанных и согласованных по цели, задачам, месту, времени и способам ведения *информационно-ударных сражений, информационно-огневых боев и информационных ударов*, проводимых с целью дезорганизовать систему управления войсками и оружием противника, нанести поражение его информационным ресурсам. Это новая форма вооруженной борьбы, характерным элементом которой являются информационные удары, переходящие в сочетании с огневым воздействием в информационно-огневые бои и информационно-ударные сражения.

Под *информационным ударом* понимается кратковременное и мощное воздействие информационным оружием на информационный ресурс противника². Такое воздействие может быть избирательным или специализированным на какой-либо вид информационного ресурса, а также массированным или комбинированным (по всему информационному ресурсу всеми видами информационного оружия).

Возможны следующие виды информационных ударов: *информационно-психологический* — с целью дезинформировать и ввести противника в заблуждение; *психотропный* — воздействие специальными средствами на психику людей; *радиоэлектронный* — воздействие средствами радиоэлектронного подавления; *программно-компьютерный* — воздействие на ПЭВМ системы управления противника специальными разрушающими или искажающими программными средствами³.

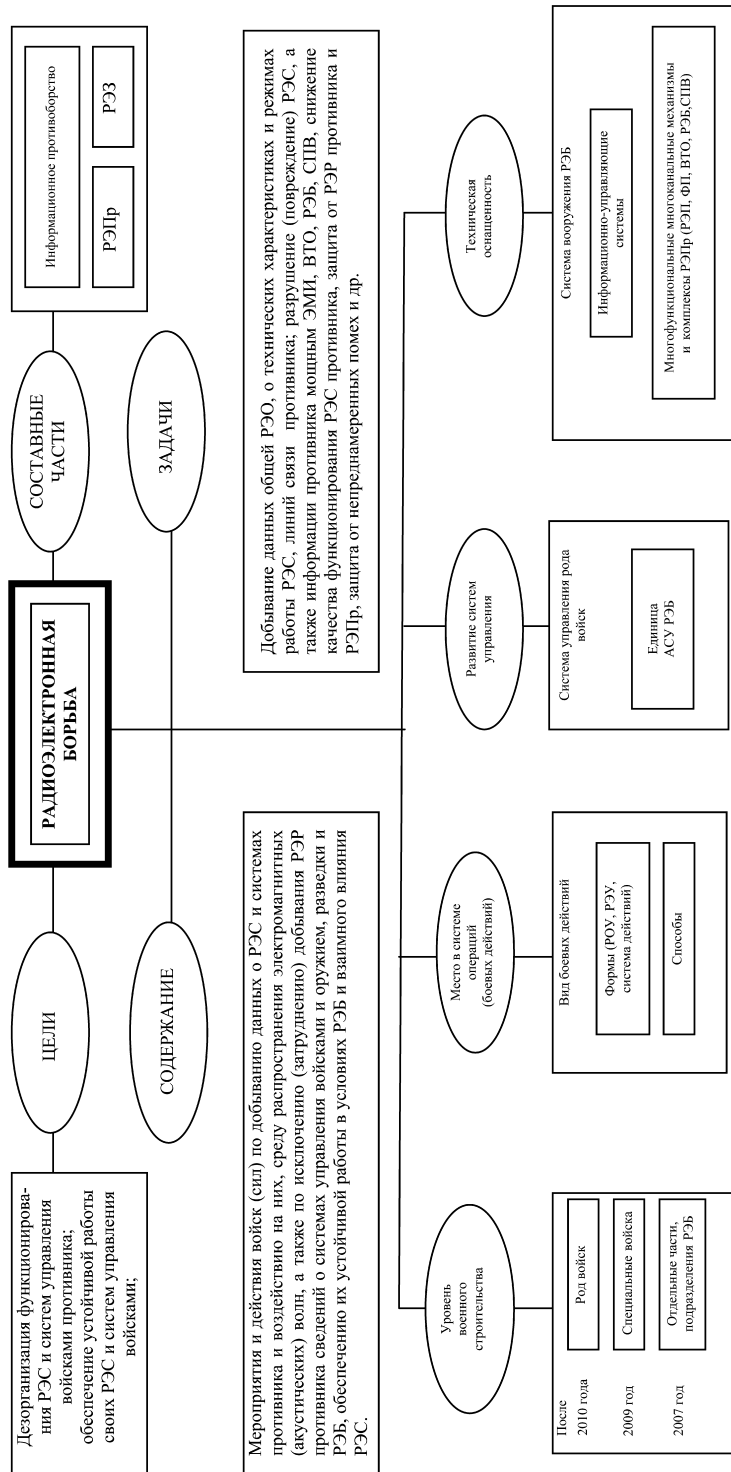
Проведение ИУО имеет широкую перспективу, поскольку способствует завоеванию инициативы и превосходства в информационной сфере (управление войсками и оружием, рефлексивное управление противником и др.). Они могут проводиться как самостоятельно, так и в комплексе с общевойсковыми, воздушными и морскими операциями в наступлении и обороне, в стратегическом и оперативном масштабе.

К настоящему времени по опыту локальных войн сложилось довольно полное представление о способах подготовки и проведения ИУО.

¹ Военная Мысль. 1998. № 2; 2002. № 6; 2003. № 11; 2005. № 6.

² Военная Мысль. 1998. № 2. С. 67—70.

³ Военная Мысль. 1998. № 2. С. 67—70; 2002. № 6. С. 42—47; 2003. № 11. С. 57—61.

Перспективы развития радиоэлектронной борьбы (по данным зарубежной печати)

Примечание: ЭМИ — электромагнитный импульс; РЭР — радиоэлектронная разведка; РЭПр — радиоэлектронное поражение; РЭУ — радиоэлектронное подавление; ФП — функциональное поражение; РЭЗ — радиоэлектронная защита; РОУ — радиоэлектронно-огневой удар; РЭУ — радиоэлектронный удар; РЭС — радиоэлектронные средства; СПВ — средства программного воздействия.

Их **характерными чертами являются: глобальность**, поскольку она не имеет пространственных ограничений; большое *разнообразие* применяемых форм и способов; *непрерывность* ведения вне зависимости от сезонных, погодных и метеорологических условий; *скрытность* проведения, особенно в мирное время. Такой вид операции имеет особо важное значение в условиях высокоманевренных боевых действий с использованием разведывательно-ударных систем, высокоточного управляемого оружия, применения космических средств и оружия на новых физических принципах.

В условиях широкого развития радиоэлектроники эффективная дезорганизация системы информационного обеспечения боевых действий противника может быть осуществлена только комплексным воздействием разнородных (преимущественно перспективных) сил и средств радиоэлектронной борьбы совместно со средствами огневого поражения. К первоочередным объектам воздействия в ИУО следует отнести пункты управления и узлы связи объединений и соединений, авиации, ракетных войск и артиллерии (РВиА), разведывательно-ударных (огневых) комплексов, разведки, противовоздушной обороны (ПВО) и радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

При проведении ИУО следует учитывать, что за последние десятилетия в зарубежных армиях количество радиоэлектронных объектов только в тактическом звене увеличилось в три раза, а глубина их эшелонирования — в полтора раза, что затрудняет их подавление. К тому же существенно сократился временной цикл управления войсками и оружием, примерно в два раза повысилась интенсивность обмена информацией, происходит все большее насыщение войск широким спектром радиоэлектронных средств различного назначения, увеличивается количество дублирующих каналов связи, усложняются условия обеспечения электромагнитной совместимости из-за разнотипности радиоэлектронных средств (РЭС).

Общие показатели размаха ИУО пока не определены. На операционном направлении, на наш взгляд, они могут составить свыше 300—400 км по фронту и до 450—500 км по глубине выполняемых задач, а в стратегическом масштабе будет охвачен весь театр военных действий (ТВД). Так, во время войны в зоне Персидского залива размах ИУО, которая отличалась небывалой интенсивностью, достигал 600 км по фронту и 1000 км в глубину.

По опыту локальных войн **информационно-ударная операция, как правило, проводилась в три этапа**. На первом этапе осуществлялась дезорганизация системы информационного обеспечения информационно-управляющих систем разведки, войсковой ПВО и противоракетной обороны (ПРО) противника в целях достижения внезапности действий своей группировки войск. Это подтверждается опытом военных действий в операции «Буря в пустыне» (1991), где информационная борьба велась в стратегическом, оперативном и тактическом масштабе и в ней были задействованы более двадцати разведывательных спутников, свыше пятидесяти самолетов-разведчиков и другие силы⁴. В операции использовались все известные к тому времени средства и способы РЭБ — от создания помех до огневого поражения РЭС. В ходе боевых действий последние подавлялись силами и средствами наземных и морских частей, а также самолетами и кораблями, оснащенными техникой радиопомех.

Второй этап проводился после срыва функционирования систем информационного обеспечения информационно-управляющих систем разведки, войсковой ПВО и ПРО. Под прикрытием помех наносились

⁴ Военная Мысль. 1996. № 3. С. 79.

удары средствами функционального поражения — оперативно-тактическими, тактическими ракетами, реактивными системами залпового огня (РСЗО), высокоточным оружием, ударными дистанционно пилотируемыми летательными аппаратами. С этой целью до начала военных действий в коалиционных войсках была создана группировка РЭБ, в состав которой вошли корпусные бригады и дивизионные батальоны разведки и РЭБ сухопутных войск, а также одиннадцать авиаэскадрилий — постановщиков помех ВВС и ВМС. В составе группировки РЭБ СВ развертывались 60 наземных станций помех и 30 вертолетов РЭБ со станциями помех. В составе авиационной группировки насчитывалось 198 самолетов РЭБ.

Третий этап проводился с целью дезорганизации систем информационного обеспечения боевыми действиями тактической, армейской авиации и полевой артиллерии, в результате чего создавались условия для завоевания огневого превосходства.

Анализ опыта локальных войн показывает, что важнейшей целью проведения ИУО являлось противодействие информационному обеспечению управления войсками и оружием противника, которое включало мероприятия по блокированию добытия, обработки, обмена информацией и внедрению дезинформации на всех этапах информационного обеспечения управления войсками и оружием. Эти задачи решались путем проведения комплекса мероприятий по маскировке, радиоэлектронному и огневому подавлению информационных средств противника.

В условиях активного информационного противодействия противника эффективность информационного обеспечения достигалась проведением мероприятий по информационной защите, к которым относились действия по деблокированию информации, необходимой для решения задач управления, и блокированию дезинформации, распространяемой и внедряемой в систему управления. При этом выяснилось, что наряду с положительными свойствами **радиоэлектронная техника имеет и существенные недостатки**: низкую скрытность от радиоэлектронной разведки противника и существенную уязвимость от преднамеренных и взаимных помех.

Можно ожидать, что в современных ИУО наиболее напряженная радиоэлектронная борьба в первую очередь развернется между авиацией и ПВО. Это обусловлено оснащением систем ПВО многими средствами радиоэлектроники, обеспечивающими обнаружение, определение координат воздушных целей, целеуказание, а также управление зенитным ракетным оружием и истребительной авиацией.

Важная роль в содержании ИУО во время локальных войн отводилась **ведению разведки техническими средствами из космоса с передачей разведывательной информации в масштабе времени, близком к реальному**. Кроме того, во время войны в зоне Персидского залива космические средства играли важную роль для осуществления связи, топогеодезического и метеорологического обеспечения. Так, к началу боевых действий из состава всей орбитальной группировки США вели разведку 29 космических аппаратов (КА), три из которых предназначались для оптико-электронной («Кихоул-II») и один («Лакросс») для всепогодной разведки⁵. Они обеспечивали ежесуточную съемку всей территории ТВД и до 90 объектов сухопутных войск, ВВС и ВМС. При этом частота передачи данных составляла шесть — девять раз в сутки. Три КА «Феррет», осуществившие 12 пролетов в сутки, обеспечивали управление воздушным движением с периодичностью наблюдения четыре — шесть часов, а четыре КА радиоразведки «Шаллс/Вортекс» и два КА типа «Аквавейд» — постоянное наблюдение и обнаружение сигналов радиолокационных средств⁶.

⁵ Война в Персидском заливе. М.: Воениздат, 1993. С. 194—195, 205.

⁶ Там же. С. 205.

При подготовке военных действий средства космической разведки предоставляли командованию полную картину развития событий на ТВД, могли обеспечить наблюдение за 16 тыс. объектов с разрешающей способностью от 0,3 до 3—4 м. Такие средства позволяли вскрывать все объекты группировки сухопутных войск, систему базирования ВВС, РВиА и расположение предприятий военной экономики.

С учетом накопленного опыта локальных войн представляется возможным предложить некоторые рекомендации органам управления по подготовке и ведению ИУО. В первую очередь это касается необходимости **тщательного заблаговременного выявления системы управления войсками и оружием противника**, ее сильных и слабых мест, конкретных объектов, подлежащих первоочередному воздействию средствами РЭБ и огневого поражения.

Оценка группировки противника должна осуществляться на широком фронте и большую глубину с учетом его возможностей по маневру силами и средствами РЭБ, в том числе с помощью авиации и дистанционно-пилотируемых летательных аппаратов. Методический подход к классификации и количественной оценке состояния информационно-управляющих систем (ИУС) достаточно полно изложен на страницах журнала в статье Ю.Е. Донскова⁷. В качестве базовой системообразующей категории (элемента) он предложил считать состояние объекта (систем разведки, связи, органов управления, РЭБ) и ИУС в целом (общевойсковой, армейской авиации, полевой артиллерии, войсковой ПВО и др.). Разработанный им методический подход позволяет выстроить логическую цепь зависимости состояния цикла управления от состояния первичных элементов составных частей ИУС, а также произвести их количественную оценку, что может быть использовано при разработке эффективных способов воздействия на ИУС в целом и ее отдельные элементы в операциях (боевых действиях).

Эффективность проведения ИУО во многом будет зависеть, во-первых, от своевременности и полноты определения объектов огневого и радиоэлектронного поражения (РЭС и оптико-электронных средств локации, связи, навигации, телеуправления и других радио- и оптико-электронных средств), а во-вторых, от качественного проведения мероприятий по защите от радиоэлектронного подавления и поражения самонаводящимся оружием противника, обеспечения электромагнитной совместимости собственных радио- и оптико-электронных средств. При определении способов дезорганизации функционирования ИУС группировок войск полевой артиллерии и армейской авиации противника **необходимо в полной мере использовать средства высокоточного оружия для воздействия на приемопередающие устройства РЭС противника.**

В решении командующего на проведение ИУО важно предусмотреть комплекс мер по скрытию РЭС своей системы управления, борьбе с разведкой противника и применению неожиданных для него способов радиоэлектронного подавления РЭС; созданию различных радиозавес; осуществлению радиолокационной блокады; постановке активных и пассивных радиопомех для наземной, воздушной и космической разведки; передаче дезинформирующих сообщений; осуществлению демонстративных действий и имитации; применению эффективных способов радиоэлектронного подавления технических средств разведки; достижению одновременного электронно-огневого воздействия на важнейшие объекты в системе управления войсками и оружием противника.

Структурно вариант боевого состава системы РЭБ армейского объединения сухопутных войск для срыва информационного обеспечения

⁷ Военная Мысль. 2003. № 9. С. 29—33.

боевых действий группировки полевой артиллерии и армейской авиации противника может включать ракетные части, части РСЗО, армейскую эскадрилью ДПЛА, вертолетный отряд РЭБ, батальон радиопомех. Такой боевой состав группировки обеспечит комплексное ударно-помеховое воздействие с функциональным поражением.

Планирование радиоэлектронного поражения по дезорганизации ИУС противника целесообразно возложить на центр планирования и координации огневого поражения объединения.

В перспективе при поступлении на вооружение новых образцов техники РЭБ в войска возможными формами совместного боевого применения частей РЭБ различного назначения могут стать *радиоэлектронно-огневой бой* и *радиоэлектронно-огневое сражение*. Большой размах боевого применения разнородных сил РЭБ приведет к воздействию на систему управления противника во всей полосе ответственности объединения и будет способствовать уменьшению времени на получение обратной связи о состоянии сложных радиоэлектронно-компьютерных систем.

Существенное влияние на совершенствование форм и способов ведения ИУО может оказать разработка различных видов информационно-психологического оружия. Судя по зарубежным публикациям, кроме широко известных и апробированных на практике средств (систем) информационно-психологического воздействия, сейчас в стадии научных и опытно-конструкторских разработок находятся *энергоинформационное соматропно-психологическое оружие* и рассматривается в виде возможной перспективы *психотронно-информационное, биоэнерго-информационное, информационно-генетическое и виртуальное информационно-психологическое оружие*⁸. Это расширит возможности не только радиоэлектронного, но и информационно-психологического воздействия на противника в операции.

Так, энергоинформационное психологическое оружие позволит генерировать и направленно излучать модулированные сверхвысокочастотные, ультразвуковые, инфразвуковые волны, что в комплексе с энергоинформационным воздействием может вызвать нарушение деятельности нервной системы человека. Весьма перспективным считается также психотронно-информационное оружие, применение которого предусматривает использование фармакологических препаратов, наркотических веществ и химических составов, оказывающих информационно-управляющее воздействие на биохимические процессы в нервной системе человека. Они могут повлиять на его боевую активность и качество восприятия боевой обстановки. Немалыми возможностями информационно-психологического воздействия на психику человека обладают технические средства (психотропные генераторы, резонаторы) психотронно-информационного, биоэнерго-информационного, виртуального информационно-психологического и соматропно-психологического оружия.

Сочетание огневого, радиоэлектронного, энергетического и массированного информационно-психологического воздействия на противника расширяет оперативно-стратегические способы достижения целей в ИУО. Радиоэлектронно-силовые удары и информационно-психологическое воздействие могут осуществляться внезапно, незаметно, что дает возможность застать врасплох противника, затруднить принятие им соответствующих мер противодействия. Характерно, что радиоэлектронно-силовые удары в составе огневых ударов могут быть самостоятельными. Это способствует достижению непрерывности комбинированного воздействия на противника, позволить держать его в постоянном напряжении.

Возможность широкого применения радиодезинформации и радиои-

⁸ Мухин В.И., Новиков В.К. Информационно-психологическое оружие. Военная академия РВСН им. Петра Великого. М., 1998. С. 44.

митации, устройства активных и пассивных помех, ложных радиолокационных целей, постов и узлов связи облегчит введение противника в заблуждение. Решению этой задачи во многом будет способствовать также осуществление комплекса оперативно-тактических мероприятий по инженерному оборудованию маршрутов выдвижения войск на ложных направлениях, районов их сосредоточения вдали от реальных, использованию табельных и подручных маскировочных средств, постановке дымовых (аэрозольных) завес в районах расположения подразделений и на маршрутах выдвижения. Применение защитных мероприятий позволит снизить эффективность радиоэлектронных помех в 2—2,5 раза.

Участие в проведении ИУО большого количества разнородных сил и средств требует организации **четкого взаимодействия, в ходе которого необходимо согласовать их усилия по выполнению следующих основных задач:** противодействие разведке противника; радиоэлектронное подавление противника, проведение информационно-огневых боев, нанесение сосредоточенных и массированных информационных ударов; осуществление информационно-психологического воздействия на противника с целью его дезинформации и введения в заблуждение; программно-компьютерное воздействие на ПЭВМ системы управления противника специальными разрушающими или искажающими программными средствами; захват (уничтожение) сил и средств разведки, пунктов управления, радиолокационных средств, узлов связи противника; проведение мероприятий радиолокационной маскировки, имитации, дезинформации, демонстративных действий с целью создания ложной радиоэлектронной обстановки; дезорганизация систем информационного обеспечения ИУС разведки, войсковой ПВО и ПРО, тактической и армейской авиации, полевой артиллерии противника; срыв информационного обеспечения сил и средств огневого поражения.

Приоритетную роль в решении этих и ряда других задач играет авиация, которая осуществляет доразведку объектов системы информационного обеспечения и выявляет местонахождение пунктов управления противника. По экспертным оценкам перспективная система информационного обеспечения боевых действий будет способна к началу военного конфликта собрать не менее 80 % информации, необходимой для планирования предстоящей операции и эффективного управления войсками и оружием⁹. Самолеты и вертолеты, оснащенные средствами РЭБ, являются главным средством устройства ослепляющих помех в глубоком тылу противника. В сочетании с огнем артиллерии, особенно РСЗО, они в состоянии создать «мертвые зоны» и заградительные рубежи для общевойсковых подразделений.

Для поддержания постоянного превосходства над противником в информационной сфере важно скрытно осуществлять маневр силами и средствами РЭБ путем переноса радиоэлектронных ударов с одного объекта на другой, проведения, при необходимости, одновременной радиоэлектронной атаки объектов РЭС противника или их электро-но-огневой блокады.

В заключение необходимо отметить, что ИУО не следует рассматривать как нечто обособленное от общей системы общевойсковых, воздушных и морских операций. Ее проведение не является самоцелью, а подчинено решению главной задачи — достижению разгрома противника. По своему характеру она имеет наступательную направленность, хотя может проводиться и в обороне.

⁹ Военная Мысль. 2005. № 6. С. 31.

О необходимости разработки перспективной оперативной концепции

*Полковник П.А. ДУЛЬНЕВ,
доктор военных наук, профессор*

ДУЛЬНЕВ Павел Александрович родился 15 июля 1959 года в Баку. Окончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище (1980) с отличием, Военную академию имени М.В. Фрунзе (1992). Службу проходил на различных командных и штабных должностях. После окончания адъюнктуры, с 1995 года — на преподавательской, а с 2000 — на научной работе. В декабре 2002 года назначен начальником Научно-исследовательского центра (системных оперативно-тактических исследований Сухопутных войск).

В ПОСЛЕДНЕЕ время, особенно после опубликования в октябре 2003 года доклада Министерства обороны «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации», в военных изданиях и научных организациях значительно возрос интерес к проблемам строительства и применения Вооруженных Сил (ВС) РФ на период до 2015 года и на более отдаленную перспективу.

Вместе с тем в ряде выступлений представителей руководящего состава Министерства обороны РФ, а также в речи Президента Российской Федерации В.В. Путина на саммите в Мюнхене (10 февраля 2007 года) отмечается тенденция нарастания военных угроз для нашей страны и необходимость в этой связи поиска рациональных путей дальнейшего повышения боевого потенциала ВС. Актуальным становится вопрос о целесообразности разработки новой военной доктрины РФ, возможное содержание которой обстоятельно обсуждалось на военно-научной конференции Академии военных наук (20 января 2007 года).

Предпринимаемые в настоящее время практические меры по развитию оборонно-промышленного комплекса страны, увеличению производства и закупок новых систем (комплектов) вооружения и военной техники (ВВТ), наращиванию количества соединений и частей постоянной готовности, а также введению контрактной системы комплектования войск личным составом создают хорошие предпосылки для выхода ВС РФ из затянувшегося кризисного состояния. Особенно это касается *сил общего* назначения, предназначенных для решения широкого круга задач по предотвращению военных угроз, отражению возможной агрессии, локализации (разрешению) вооруженных конфликтов не только в военное, но и в мирное время.

Следовательно, можно вполне обоснованно полагать, что одна из основных научных и практических задач развития сил общего назначения ВС РФ на ближайшие 10—15 лет будет заключаться в **повышении их боевого потенциала, главным образом за счет улучшения качественных показателей боевых систем, прежде всего разведки, управления войсками, поражения противника и защиты своих войск.**

Нельзя не признать, что аналогичные задачи ставились и раньше, однако при их решении не всегда должным образом учитывалось, что существенное усиление боевого потенциала сил общего назначения во многом зависит от такого фактора, как **упреждающая разработка теоретических положений по способам их применения в операциях (боевых действиях)** с учетом новых тенденций и прогноза изменений характера вооруженной борьбы. Известно, что существуют и другие факторы, влияющие на повышение уровня боевого потенциала, но в настоящей статье речь пойдет именно об *упреждающей* разработке теории операций, в том числе и рекомендаций по способам их ведения. Такие рекомендации должны составить основу *современной оперативной концепции*, которая в большей степени, чем уставные документы, будет нацелена на перспективу.

Исторический опыт строительства ВС и существующая практика в армиях развитых зарубежных государств свидетельствуют, что наличие официально принятых оперативных концепций оказывает положительное влияние на научно обоснованное развитие ВВТ, совершенствование организационно-штатной структуры войск (сил), разработку новых уставных документов и качество подготовки личного состава. Это подтверждается, например, результатами разработки теории «глубокой операции (боя)» в середине 30-х годов прошлого столетия, рассчитанной на применение нового ВВТ в наступательных операциях. В разработке этой теории, представлявшей по своей сути оперативную концепцию, принимал участие руководящий состав Красной Армии (М.Н. Тухачевский, В.К. Триандофилов и др.). Она обсуждалась на высоком партийном уровне, и ее основные положения были включены в проект «Наставления РККА» и в «Инструкцию по глубокому бою», несмотря на то что новым ВВТ армия в достаточном количестве еще не была оснащена. И только через 10 лет, во втором периоде Великой Отечественной войны, подтвердилась научная обоснованность этой теории, которая **оказала позитивное влияние на достижение целей наступательных операций в 1943—1945 годах.**

В иностранных армиях, особенно в армии США, оперативные концепции, конкретизирующие доктринальные положения национальной военной стратегии, регулярно разрабатываются, систематически обновляются и находят свою практическую реализацию. Так, разработанная в начале 80-х годов прошлого столетия концепция «воздушно-наземная операция» применялась в вооруженных конфликтах и локальных войнах двух последних десятилетий. А в настоящее время принята к руководству концепция «всеобъемлющие операции» и разработана новая концепция «сетцентрической войны», рассчитанная на применение после 2015 года.

Что касается нашей теории, в том числе общевойсковых операций и боевых действий с применением обычных средств поражения, то концептуальные положения по их подготовке и ведению разрабатываются и излагаются в различных документах. Характер войн и вооруженных конфликтов, задачи ВС и основы их применения раскрыты в Военной доктрине РФ, формы и способы ведения военных действий находят отражение в уставных документах и различных военно-теоретических

трудах, а ряд вопросов — в других научных материалах. Многие из указанных документов чаще всего рассчитаны в основном на современные условия и **недостаточно полно ориентированы на перспективу**, особенно в части, касающейся способов применения войск и сил в общевойсковых операциях, проводимых с применением новых средств вооруженной борьбы.

Такой подход к разработке новых теоретических положений в значительной степени затрудняет разработку (уточнение) новых уставов и руководств, отрицательно сказывается на подготовке офицерских кадров и войск и недостаточно стимулирует приоритетное повышение эффективности боевых систем, которые будут определять успех операций в обозримой перспективе. Все это подтверждается результатами анализа соответствия общепринятых у нас теоретических положений новым тенденциям развития военного искусства и изменениям характера вооруженной борьбы на современном этапе.

Так, в упомянутом выше докладе Министерства обороны об актуальных задачах развития ВС РФ **тенденции и характерные черты вооруженной борьбы в современных и будущих операциях в кратком изложении сводятся к следующему**: основные задачи по разгрому противника решаются *огневым и радиоэлектронным поражением*, возрастает значение дальности ведения огневого боя; решающую роль в боевых действиях будут играть *авиация, высокоточное оружие* и хорошо защищенная помехоустойчивая *противовоздушная оборона*; в оперативном построении (боевом порядке) группировок войск должны присутствовать действующие в рамках реального масштаба времени *разведывательно-информационные центры*. Кроме того, анализ изменений в характере вооруженной борьбы свидетельствует о широком применении в войнах будущего оружия на основе «искусственного интеллекта», преобладании *маневренных действий*, а также о возрастании роли *информационного противоборства*.

Сравнение этих тенденций и изменений в характере вооруженной борьбы с общепринятыми положениями нашей теории и практики ведения общевойсковых операций позволяет сделать **следующие выводы**.

Первый. Огневое поражение, несмотря на признание его большого значения, пока еще не рассматривается как решающий фактор в разгроме противника. Не делается также упор на применение дальнобойного и высокоточного оружия в системе огневого поражения противника. Новые формы и способы огневого поражения практически не находят применения в силу низких возможностей по разведке объектов и целей противника, особенно в глубине, а также в связи с невысокой эффективностью управления огнем и отсутствием достаточного количества дальнобойных средств в РВиА.

Второй. Информационное противоборство как комплексная функция боевых действий и управления на оперативном и тактическом уровнях еще не рассматривается. Задачи по информационной борьбе и защите своих войск решаются разрозненно по планам различных видов обеспечения.

Третий. Эффективность разведки и автоматизированных систем управления, а следовательно, и информационного обеспечения боевых действий остаются низкими и не отвечают предъявляемым требованиям.

Четвертый. Широкомасштабные маневренные действия войск, особенно их аэромобильность, в силу объективных и субъективных причин, в том числе из-за неопределенной перспективы выделения им необходимого ресурса воздушных транспортных и транспортно-боевых средств, должным образом пока не обеспечиваются.

Вполне понятно, что в короткие сроки и все сразу изменить практически невозможно, но поскольку оперативная концепция будет рассчитана на реализацию в будущем, она должна содержать рекомендации по новым способам ведения операции (боя) с использованием приземного воздушного пространства.

Кроме вышеизложенного можно привести еще некоторые доводы, которые свидетельствуют о необходимости кардинального пересмотра наших взглядов и разработки новой оперативной концепции в виде отдельного официального документа. Так, для любой военной концепции существенное значение имеет определение новых и уточнение существующих принципов и требований к ведению боевых действий, тем более что они, как показывает анализ, в настоящее время не всегда логично связаны между собой.

Другим веским доводом может служить то, что разработка новой концепции будет способствовать реализации положения, высказанного начальником Главного оперативного управления Генерального штаба о том, что военное строительство должно осуществляться «на основе долгосрочных концепций и программ, которые необходимо разработать в ближайшие годы с учетом возможностей государства по финансово-экономическому обеспечению мероприятий военного строительства»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что **необходимость разработки в ближайшие два-три года новой оперативной концепции для сил общего назначения, которая бы в большей степени, чем уставные документы, была ориентирована на перспективу, вполне назрела.** В определенной степени такая работа, особенно по изысканию новых форм и способов ведения операций (боевых действий), уже проводится учеными Академии военных наук. В частности, разработана примерная структура концепции общевойсковых операций (рис. 1), что позволяет начать ее реализацию уже в ближайшее время (разделы 1 и 2) с учетом новых способов оперативных действий после 2015 года.

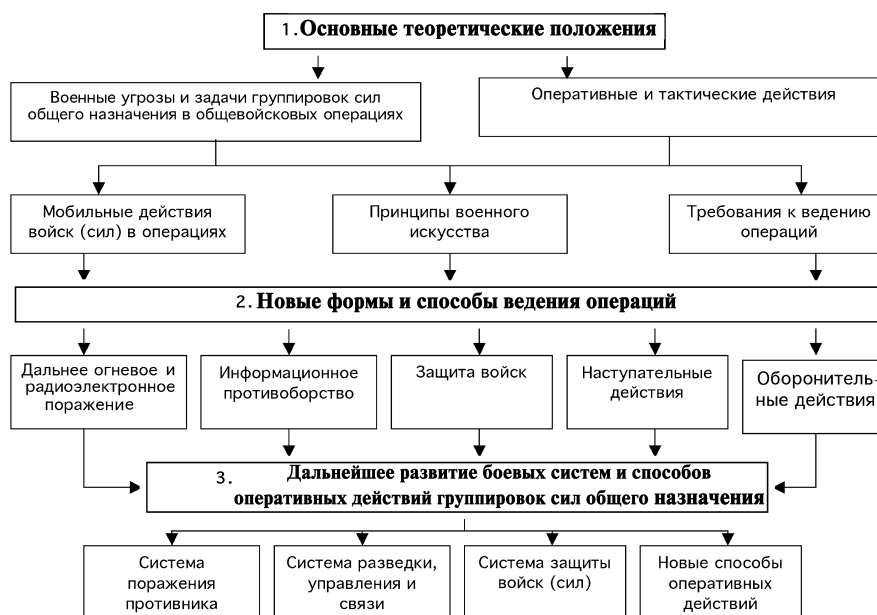

Рис. 1. Возможная структура концепции общевойсковых операций

¹ Военная Мысль. 2007. № 3. С. 26.

Поскольку оперативная концепция должна опираться на последние достижения военного искусства, а также на возможности современных и перспективных средств вооруженной борьбы, для ее разработки потребуются определить и обосновать *стержневую идею*, на основе которой можно будет уточнить принципы ведения операций, разработать новые требования и обосновать рациональные способы применения войск. При таком подходе новая концепция будет представлять собой совокупность взглядов, отражающих общие положения по организации и ведению армейских операций, но с учетом изменившегося характера вооруженной борьбы.

В основу оперативной концепции, на наш взгляд, целесообразно положить идею мобильных действий, которые следует рассматривать как новый качественный показатель функционирования боевой системы в целом, отражающий способность войск не только осуществлять быстрый маневр, но также оперативно и адекватно реагировать на любые изменения обстановки, перехватывать инициативу, своевременно создавать превосходство на избранных направлениях (в районах) и осуществлять разгром противника по частям. Такие действия войск возможны при условии создания высокоэффективных систем разведки, управления, огневого и других видов поражения, информационного противоборства, защиты войск и обеспечения, функционирующих, как правило, в реальном или близком к нему масштабе времени.

Мобильность действий должна проявляться во всех сферах вооруженной борьбы. Войска, обладая такой способностью, могут и должны вести мобильные действия в любых видах военного противоборства, в том числе и небольшими по численности, но разнообразными по составу группировками, руководствуясь четкими принципами и требованиями.

При этом **существующие принципы оперативного искусства (несколько их не отвергая) необходимо, на наш взгляд, дополнить новыми**, среди которых можно назвать следующие: *упреждение противника* в действиях, направленных на захват и удержание инициативы; *структурно-объектовое поражение* противника одновременно на всю глубину его оперативного построения; *активное информационное противоборство* как неотделимая составная часть боевых действий; *надежная защита* своих войск и выполнение боевых задач с минимальными потерями.

Наряду с этим **важное значение имеет введение ряда требований к мобильным действиям, являющимся в основном новыми для сил общего назначения, как то:** способность системы разведки работать в *реальном масштабе времени*; функционирование системы управления в режиме, *обеспечивающим упреждение противника*; *гибкость* системы огневого и радиоэлектронного поражения противника, позволяющая осуществлять при необходимости массирование огня с переносом усилий на другие направления; *повышенная самостоятельность и автономность* группировок войск, их готовность частью сил вести *десантно-штурмовые действия*; способность соединений (частей, учреждений) специальных войск эффективно выполнять задачи всестороннего обеспечения в условиях ведения мобильных действий.

В целом, как показывают исследования, практическое соблюдение указанных принципов и требований будет способствовать значительному повышению мобильности войск, позволит дополнить и расширить существующие способы ведения операций. При этом суть основного способа ведения обороны будет заключаться в *заблаговременном проведении самостоятельного этапа огневого поражения* противника, прочном удержании частью сил ключевых районов и последовательном разгроме наступающих и совершающих обход этих районов группировок путем пооче-

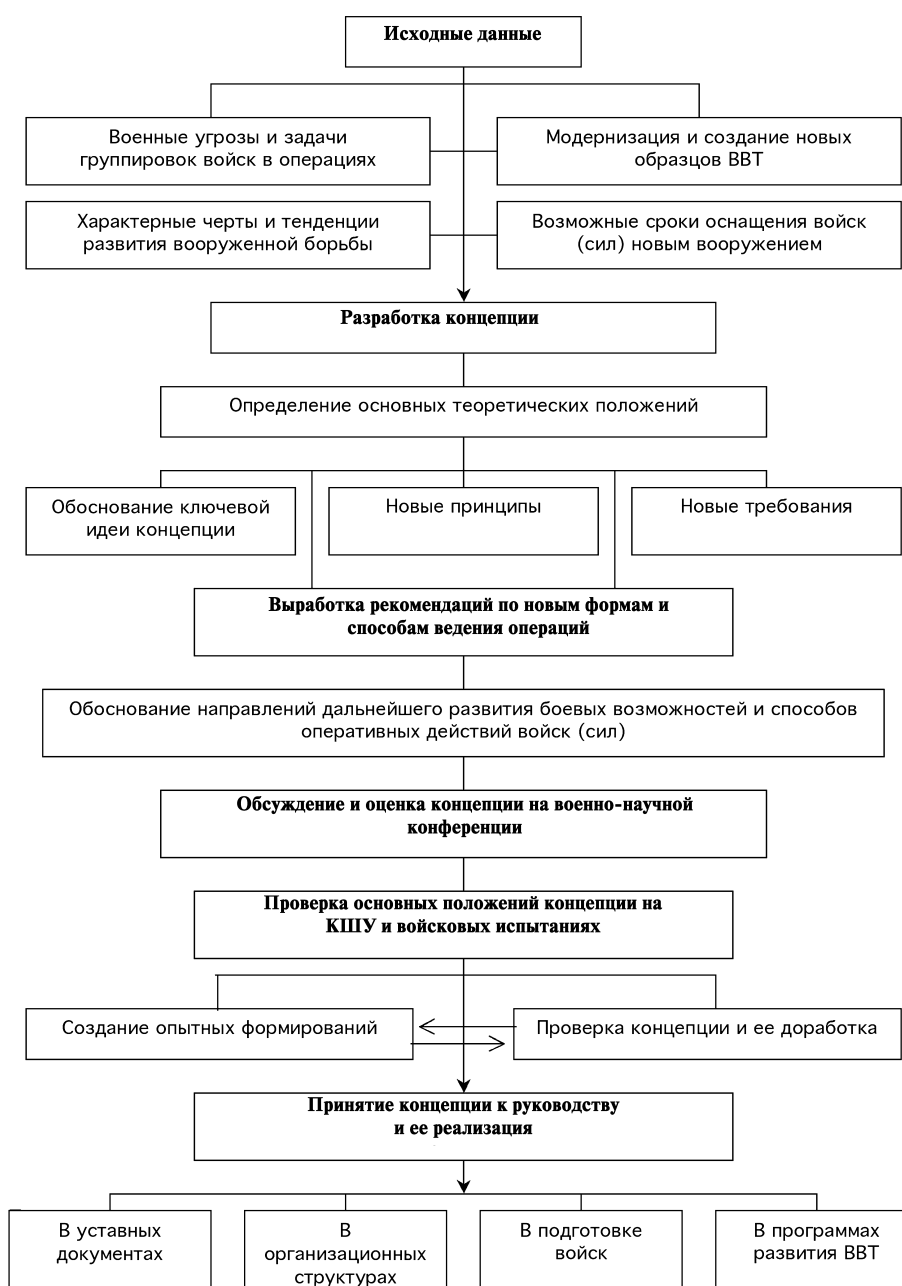

Рис. 2. Логическая последовательность разработки оперативной концепции

редного сосредоточения против них большей части огневых средств, средств радиоэлектронного подавления и нанесения *фланговых или встречных ударов* силами мобильной группировки войск или резервов.

При ведении наступления в широкой полосе в условиях отсутствия сплошного фронта соприкосновения основным способом разгрома обороняющегося противника могут стать *упреждающие огневые и радиоэлектронные удары* в ходе самостоятельных этапов огневого противоборства сторон, *глубокие охваты* (в том числе по воздуху) и *обходы* наземных группировок противника с последующим нанесением согласованных ударов по нему с фронта, флангов и тыла.

Особое значение приобретут мобильные действия войск в вооруженных конфликтах против крупных иррегулярных вооруженных формирований. Эффективная система разведки и высокоточное огневое поражение важнейших объектов противника в сочетании с быстрыми действиями войск создадут предпосылки для разгрома таких формирований в короткие сроки и с минимальными потерями.

Операции с применением новых способов их ведения возможны в условиях «расширенного поля» боя, когда войска обеих сторон будут действовать на широком фронте со слабо прикрытыми участками или открытыми флангами. В целом же набор конкретных способов ведения операции (боя) значительно расширится, что создаст противнику дополнительные трудности, а нашим войскам позволит уходить от шаблона и проявлять больше инициативы в определении порядка и последовательности его разгрома.

Разработанная структура концепции и ее основные положения направлены **на упреждающее развитие теории применения не только сил общего назначения, но и взаимодействующих с ними войск других силовых структур.** Вполне возможно, что по некоторым теоретическим положениям оперативной концепции, кратко изложенным в настоящей статье, возникнут сомнения в способности сил общего назначения в ближайшие десять лет достичь полной реализации новых принципов и требований к их мобильным действиям. Основания для таких сомнений, безусловно, есть, однако необходимо учитывать, что высказанные рекомендации призваны раскрыть объективно существующие тенденции развития военного искусства и нацелены не только на развитие форм и способов ведения операций, но и на то, чтобы обсудить на страницах журнала «Военная Мысль» с участием широкого круга специалистов уже обозначившиеся направления в развитии теории операций как составной части военного искусства.

В заключение следует отметить, что в дальнейшем потребуется более детальное определение содержания, а возможно, и структуры оперативной концепции с заинтересованными в решении этой проблемы научными организациями. Кроме того, возникнет необходимость создания опытных формирований и апробирование теоретических положений концепции в ходе войсковых испытаний. Этот процесс будет непростым и потребует значительных усилий. Возможная логическая последовательность разработки оперативной концепции представлена на рисунке 2.

Выдвинутые в статье предложения по разработке оперативной концепции, рассчитанной на ведение боевых действий силами общего назначения, вполне выполнимы, а ее практическая реализация хотя и будет сложной, но окажет положительное влияние на разработку новых уставных документов, качество подготовки войск (сил), а также на решение задач развития ВВТ и организационно-штатной структуры воинских формирований.

О проблеме информационного обеспечения управления огнем группировок войск ПВО СВ

*Полковник И.В. ГРУДИНИН,
кандидат военных наук,*

Подполковник П.М. ШАПКИН

АНАЛИЗ результатов противоборства средств воздушного нападения (СВН) и группировок войск ПВО в локальных войнах и вооруженных конфликтах последних десятилетий свидетельствует о существенном изменении взглядов военно-политического руководства США и стран — участниц НАТО на основы ведения боевых действий. Наиболее ярко и отчетливо данная тенденция проявляется в **увеличении продолжительности воздушной фазы при явном сокращении времени активных боевых действий сухопутных группировок**. Так, длительность воздушной фазы в операции «Буря в пустыне» составила 98 %, в операциях «Лис в пустыне» и «Решительная сила» — 100 %. Это позволяет сделать вывод о том, что противник в современной войне стремится к достижению целей операции преимущественно за счет эффективного использования поражающих свойств оружия (и прежде всего средств воздушного нападения), а не силового противоборства.

Очевидным представляется стремление объединить действия СВН в рамках единой *воздушной кампании*, главная цель которой состоит в завоевании господства в воздухе для обеспечения последующих успешных действий сухопутных группировок, а при благоприятном стечении обстоятельств — в достижении конечных целей конфликта без привлечения сухопутных группировок.

Основным объектом противоборства на начальном этапе вероятный противник считает систему противовоздушной обороны. И действительно, именно подавлению системы ПВО в начале военных конфликтов уделяется все большее внимание.

Необходимость формирования адекватного ответа планируемым действиям противника обуславливает объективное требование существенного повышения эффективности ПВО. Однако современное состояние Вооруженных Сил России, сложные экономические условия, в которых проводится их реформирование, не позволяют применить экстенсивные способы решения этой задачи, заставляя изыскивать внутренние резервы в рамках уже существующих систем и структур группировок войск ПВО СВ. Одним из наиболее ресурсоемких резервов является *повышение эффективности процесса управления огнем зенитных средств*. Являясь системообразующим элементом ПВО, система управления в целом и система управления огнем в частности оказывают существенное влияние на общие показатели эффективности боевых действий зенитных формирований.

Значительный вклад системы управления в общую эффективность системы ПВО (до 15—20 % — по оценкам различных исследований) обусловил повышенный интерес к разработке вопросов, связанных с ее совершенствованием. Среди традиционно рассматриваемых военной наукой направлений совершенствования процесса управления огнем

можно выделить следующие: построение рациональной структуры системы управления; повышение оперативности управления; повышение качества принимаемых решений; автоматизация задач управления; совершенствование информационного обеспечения элементов системы управления.

Особый интерес вызывает *процесс информационного обеспечения управления огнем группировок войск ПВО СВ*. Это связано, прежде всего, с той существенной ролью, которую играет информация в общей структуре системы управления, а также с недостаточным уровнем исследований влияния структуры и качества информационного обеспечения на эффективность функционирования как системы управления огнем группировок войск ПВО СВ в частности, так и системы ПВО в целом.

Современный этап развития военной науки и техники характеризуется большинством специалистов как революция в военном деле, вызванная наступлением «эры информации». В связи с этим наиболее перспективным представляется переосмысление таких традиционных понятий, как «информация» и «информационное обеспечение», а также логического соотношения терминов «информационное обеспечение» и «разведка воздушного противника» с точки зрения теорий информации, прогнозирования, информационных систем, информационных сетей и других теорий информационного толка.

Особое значение вопросы информационного обеспечения имеют для структур, оснащенных средствами автоматизированного управления (АСУ). Применение АСУ в системе управления войсковой ПВО обеспечивает значительное повышение показателей оперативности и качества принимаемых решений на ведение огня, но вместе с тем формирует повышенные требования к структуре и качеству информационного обеспечения. Отсутствие в АСУ достоверной, своевременной, полной и однозначной информации способно не только снизить степень реализации огневых возможностей управляемой группировки войсковой ПВО, но и существенно затруднить выполнение поставленной боевой задачи.

В совокупности задач, решаемых противником в ходе воздушной операции, абсолютный приоритет отдается задачам деструктивного воздействия на элементы информационной инфраструктуры систем управления всех уровней. При этом главным объектом информационного противоборства являются разведывательно-информационные элементы системы ПВО. Результаты противоборства СВН и ПВО в Ираке и Югославии свидетельствуют о наличии в практике ведения ПВО проблемы, сущность которой заключается в недопустимо низкой эффективности функционирования системы информационного обеспечения в условиях интенсивного огневого и радиоэлектронного противодействия противника. В итоге складывается парадоксальная ситуация, состоящая в том, что при наличии достаточно большого количества средств разведки воздушного противника на всех уровнях иерархии органы и пункты управления в наиболее ответственные этапы противовоздушного боя испытывают информационный голод.

Проблема информационного обеспечения командных пунктов, пунктов управления войсковой ПВО в процессе реализации ими своих функций занимает одно из центральных мест в общей структуре проблематики теории управления огнем. Очевидно, что высокое качество информационной модели обстановки, используемой органами управления при выработке решений, является необходимым условием их эффективного функционирования.

Возникновение рассматриваемой проблемы обусловлено влиянием ряда предпосылок, доминирующими из которых являются следующие: существенно возросшие возможности противника по вскрытию, радиоэлектронному подавлению и огневому поражению разведывательно-информационных элементов систем управления огнем группировок войск ПВО СВ всех уровней иерархии; унитарный характер формируемых информационных полей стрельбы и управления огнем, базирующихся преимущественно на средствах активной радиолокации, которые в условиях интенсивного и эффективного огневого и радиоэлектронного противодействия со стороны противника из системообразующих элементов становятся системоразрушающими; низкие возможности по оперативному управлению параметрами информационных полей стрельбы и огнем зенитных средств, призванному создать информационную модель воздушной обстановки, адекватную складывающимся условиям противовоздушного боя; несовершенство существующей материальной базы автоматизации процессов сбора, обработки и передачи информации о воздушной обстановке, не обеспечивающей реализацию алгоритмов объединения информации о воздушной обстановке, получаемой от источников, реализующих различные физические принципы обнаружения летательных аппаратов.

Важнейшим *направлением решения проблемы информационного обеспечения является развитие и совершенствование совокупности теоретических данных рассматриваемой предметной области*, и в частности специфики ее целеполагания, закономерностей, принципов, основ методологии оценки эффективности информационного обеспечения.

Понимая понятие «цель» как необходимый, желаемый или проектируемый результат предпринимаемого действия или процесса, определим в качестве **цели информационного обеспечения** стрельбы и управления огнем оптимальную реализацию разведывательно-информационных возможностей элементов системы информационного обеспечения в соответствии с решаемой задачей и сложившимися условиями обстановки.

Естественно, что в целях процессов проявляются сущностные свойства его субъектов, их отношение к объектам функционального воздействия. Содержание целей, таким образом, определяется и субъектами процесса, и сущностью самого процесса. Исходя из этого представляется целесообразным определить сущность основных категорий исследуемой предметной области.

Под **информационным обеспечением** стрельбы и управления огнем зенитных средств группировки войск ПВО СВ предлагается понимать совокупность мероприятий, направленных на сбор, обработку, передачу, хранение, защиту и предоставление должностным лицам органов управления информацией, необходимой для выполнения ими своих функциональных обязанностей в процессе планирования и оперативного управления огнем подчиненных сил и средств.

Система информационного обеспечения стрельбы и управления огнем определяется как совокупность пунктов и средств сбора, обработки, передачи, хранения, защиты, преобразования и представления потребителям информации, необходимой для реализации ими функций управления огнем.

Под **способом формирования информационного поля** стрельбы и управления огнем понимается порядок и приемы ведения разведки, которые характеризуются числом и разнообразием типов источников информации, привлекаемых к работе на различных этапах отражения удара воздушного противника, режимами их функционирования, спецификой схемы передачи информации о воздушной обстановке.

Под **информационным полем** стрельбы и управления огнем зенитных средств группировки войск ПВО СВ предлагается понимать область пространства, в пределах которой обеспечивается формирование, обработка и взаимный обмен информацией о воздушной обстановке, необходимой для эффективного функционирования системы управления огнем зенитных группировки войск ПВО СВ.

Основу любой теории составляют ее законы, которые определяются как «категории, отражающие необходимые, существенные, устойчивые, повторяющиеся отношения в процессах и явлениях целенаправленной деятельности командующих (командиров), штабов и других пунктов управления по руководству войсками в ходе выполнения задач вооруженной борьбы и повседневной деятельности»¹.

Очевидно, что законы информационного обеспечения стрельбы и управления огнем базируются на законах целевого процесса, а именно — на законах управления боевыми действиями (управления огнем). Среди законов управления боевыми действиями группировки войск ПВО СВ принято выделять *общие*, характерные для всего процесса управления, и *специфические* — для реализации отдельных его функций.

Совокупность общих законов управления войсками², наиболее значимых для исследуемой предметной области, представлены на рисунке 1.

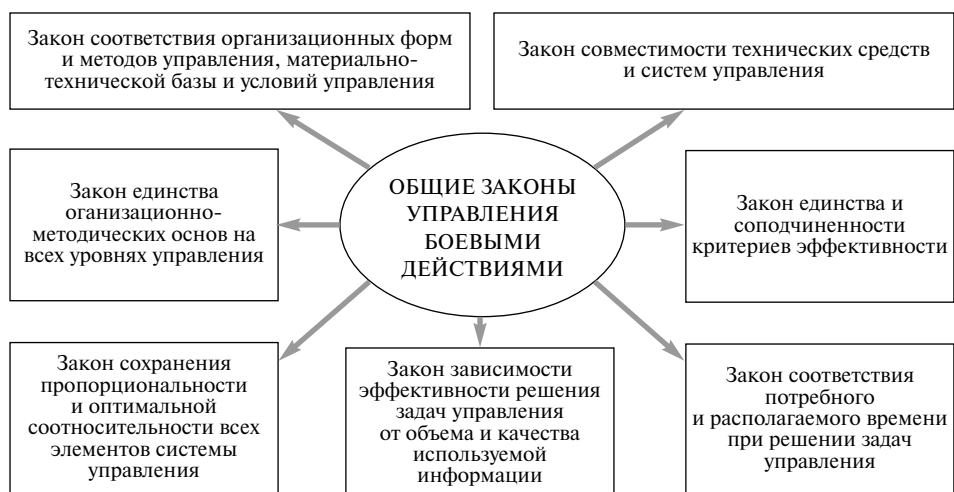

Рис. 1. Структура общих законов управления боевыми действиями, существенных для предметной области информационного обеспечения стрельбы и управления огнем

Механизм проявления данных законов в области информационного обеспечения стрельбы и управления огнем зенитных средств группировки войск ПВО СВ является достаточно сложным ввиду специфики исследуемого процесса. Тем не менее объективный характер законов, необходимость их учета при решении теоретических и практических проблем требуют детального исследования их влияния на процесс информационного обеспечения стрельбы и управления огнем.

Специфические законы, отражающие особенности управления зенитными формированиями в процессе отражения ударов воздушно-

¹ Основы теории управления войсками (силами). М.: ВА ГШ, 1980. С. 292.

² Алтухов П.К. и др. Основы теории управления войсками. М.: Воениздат, 1984. С. 221.

го противника, как правило, охватывают лишь отдельные стороны исследуемого процесса. Закономерности управления огнем, отражающие объективные, устойчивые, существенные связи между факторами обстановки, содержанием решений, принимаемых командиром, параметрами системы управления и результатами отражения ударов воздушного противника, служат ориентирами при поиске путей решения ряда важных проблем.

На рис. 2 представлены основные результаты решения задачи систематизации закономерностей управления огнем зенитных формирований группировки войск ПВО СВ. Результаты исследования законов и закономерностей управления боевыми действиями группировок войск ПВО и их зенитным огнем позволяют критически переосмыслить принципы управления, а также сформулировать законы и закономерности, присущие процессу информационного обеспечения стрельбы и управления огнем зенитных средств из состава группировки войск ПВО СВ.

Рис. 2. Система закономерностей управления огнем зенитных формирований, существенных для предметной области информационного обеспечения стрельбы и управления огнем

Таким образом, развитие теоретических основ информационного обеспечения стрельбы и управления огнем зенитных средств из состава группировки войск ПВО СВ представляет собой основополагающее направление решения проблемы информационного обеспечения. Оно позволяет на новом теоретическом и методическом уровне переосмыслить сущность и содержание исследуемой предметной области, выработать и обосновать комплекс практических рекомендаций по оптимальной реализации разведывательно-информационных возможностей элементов системы информационного обеспечения, направленный на достижение требуемого уровня эффективности управления огнем и ПВО в целом.

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

О вероятном характере воздействия противника на железнодорожные объекты

*Полковник А.С. НИЗОВ,
кандидат военных наук*

Полковник Ю.В. ПРОКОФЬЕВ

*Полковник в запасе Д.И. ПОПОВ,
кандидат технических наук*

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ характера и масштабов воздействия противника на транспортные коммуникации, в том числе на железнодорожные объекты, позволяет с той или иной степенью достоверности установить возможные размеры их разрушений, выбрать способы и определить объемы восстановительных работ, которые предстоит выполнять соединениями и воинскими частями железнодорожных войск (ЖДВ), входящим в состав фронтовой группировки и группировки тыла страны. Поэтому изучение в мирное время систем вооружения вероятного противника и способов их применения для поражения транспортных объектов является насущной необходимостью. Актуальность такого прогноза обусловлена зависимостью состава группировки ЖДВ от объема решаемых задач по восстановлению объектов в оборонительных и наступательных операциях.

В мирное время мы можем говорить только о первоначальном (исходном) прогнозе воздействия, основанном на общедоступных источниках информации, научных исследованиях и мнении ведущих специалистов в этой области. Основной проблемой при этом является получение численных значений показателей поражения железнодорожных объектов с интервальной оценкой достоверности.

По мнению ведущих специалистов ЖДВ, **главными вопросами прогноза принято считать определение вида объектов, которые могут подвергнуться воздействию противника, вероятность и размеры их разрушений (математическое ожидание)**, что позволяет перейти к выбору способов их восстановления и расчету объемов соответствующих работ.

За последние годы в Военной академии тыла и транспорта и в Военно-транспортном университете ЖДВ был проведен ряд аналитических исследований, которые позволили получить результаты решения *первой задачи* — определение вида объектов и вероятности их разрушения (табл. 1).

Вероятность разрушения объекта является сложным показателем, состоящим из ряда независимых критериев: вероятности обнаружения, доставки средств поражения и вероятности поражения.

При определении вероятности обнаружения железнодорожного объекта необходимо учитывать возможности стратегической и оперативно-стратегической разведки потенциального противника, а также систем сбора, обработки и распределения разведывательной информации. Так, удельный вес космической разведки по вскрытию транспортных объектов в мирное время и в угрожаемый период на стратегическом уровне может достигать 60—65 %. Значения вероятности ведения космической разведки в зависимости от облачности могут колебаться в пределах от 0 до 0,9.

Таблица 1

**Вероятность воздействия и разрушения противником
определенных видов железнодорожных объектов**

Наименование объектов	Вероятность воздействия на объект	Вероятность разрушения объекта			Количество воздействий в течение суток
		Обычными средствами	Ядерными боеприпасами	Общая	
Железнодорожные узлы	1	0,62	0,15	0,77	2—5
Мостовые переходы	1	0,67	0,16	0,83	2—5

Средства воздушной разведки позволяют вскрывать мосты на железных и автомобильных дорогах в полосе фронта с вероятностью не ниже 0,8 за 10 часов. Считается, что такие железнодорожные объекты, как перегоны, железнодорожные станции и мостовые переходы, будут выявляться, как правило, попутно, в ходе разведки районов расположения войск, их резервов и др. В то же время внеклассные и большие мосты, крупные железнодорожные узлы и сложные участки железной дороги могут вскрываться и специально выделенными силами.

Исследования последних лет показывают, что в течение первых суток военных действий вероятность разведки внеклассных и больших мостов, тоннелей, железнодорожных узлов может составлять 0,6—0,9. Окончательное их обнаружение и классификация будут осуществлены в последующие 1—2 суток с вероятностью, близкой к 1,0. После вскрытия и определения приоритетности транспортного объекта или другой цели удар может быть нанесен в пределах одного часа.

Для ведения наземной разведки в военное время от сухопутных войск вероятного противника может быть выделено 460—550 разведывательно-диверсионных дозоров и 120—250 групп, действующих на глубине до 3000 км. В зависимости от типа и состава каждому такому дозору может быть поставлена задача по разведке одного-трех объектов, а группе — одного объекта.

Однако **основной объем информации о железнодорожных объектах поступит от воздушной и космической разведки.** Затраты времени на комплексную обработку данных не превысят одного-полутора часов, а время на передачу данных на пункты управления средствами поражения составит 15—20 % от продолжительности поступления информации на центр обработки данных. Учитывая периодичность выхода средств разведки на железнодорожные объекты, в течение первых 10—20 дней боевых действий можно ожидать постоянного воздействия средств разведки и поражения противника на железнодорожные узлы и мостовые переходы особой важности.

Потенциальный противник обладает широким арсеналом сил и средств воздействия на транспортные коммуникации. Обобщенный анализ и экспертный опрос специалистов показал, что **для разрушения железнодорожных объектов, как правило, будут применяться следующие средства поражения в обычном снаряжении:** крылатые ракеты (КР), тактические управляемые ракеты (УР) общего назначения, управляемые авиационные бомбы (УАБ) различной модификации с доставкой самолетами тактической авиации. Попутное и преднамеренное воздействие на железнодорожные объекты данными средствами следует ожидать в зоне глубиной 1200—1500 км с вероятностью 0,8, а в стратегической зоне глубиной свыше 1500—1700 км с вероятностью 0,5.

В зависимости от размеров и степени защищенности железнодо-

рожных объектов возможно нанесение одиночных ядерных ударов (воздушных и наземных) боеприпасами мощностью от 50 до 200 кт. Предполагается, что вероятность воздействия данными средствами в тактической и оперативно-тактической глубине в пределах 1200—1500 км составит 0,2, а на большем удалении — 0,5.

В качестве инструмента воздействия на транспортную систему следует рассматривать и подразделения сил специальных операций (ССО), которые могут быть оснащены малогабаритными ядерными минами, противотранспортными и объектными минами замедленного действия (ПМЗД и ОМЗД). Использование данных боеприпасов дает стопроцентный результат вывода объекта из строя, но возможность их доставки и установки достаточно мала, что снижает в целом вероятность поражения объекта до 0,2—0,3.

Обобщение вышеизложенного материала позволяет сделать первоначальные выводы о средствах воздействия противника на железнодорожные объекты, количестве и вероятности их разрушения (табл. 2, 3).

Таблица 2

Вероятность разрушения железнодорожных объектов различными способами

Наименование средств доставки	Количество разрушенных объектов на 1000 км железной дороги в сутки	Вероятность разрушения объекта
Управляемые ракеты различных классов	8—16	0,54—0,59
Авиация (УАБ)	3—4	0,12—0,17
Диверсионные группы	5—9	0,24—0,34
ВСЕГО:	16—29	1,0

Таблица 3

Характеристика средств, применяемых для поражения железнодорожных объектов

Средства поражения	Вероятность применения	Количество применяемых средств	
		На удалении до 1000—1200 км	На удалении свыше 1000—1200 км
УР; КР	0,4	3—4 УР или 1—2 КР	1-2 МБР или 1—2 КР
УАБ	0,5	1—2 самолета тактической авиации, оснащенных 2—4 УАБ (вероятность — 0,8); оснащенных 4 УР или 1—2 КР (вероятность — 0,2)	1 стратегический бомбардировщик, оснащенный 2—4 УАБ (вероятность — 0,3); оснащенный 1—3 КР (вероятность — 0,7)
Мины, фугасы	0,1	1—2 разведывательно-диверсионных отряда, оснащенные 3—4 ПМЗД или 1—2 ОМЗД	1 подразделение глубинной разведки, оснащенные 1—2 объектными минами

Для поражения железнодорожных объектов могут применяться четыре основных типа боевых частей (БЧ): ядерный, объемный, касетный и обычный. Для доставки боеприпасов в основном будет использоваться высокоточное оружие, гарантирующее высокую вероятность поражения цели (табл. 4).

Таким образом, в качестве главных железнодорожных объектов, которые могут подвергнуться воздействию со стороны противника, вероятнее всего, следует рассматривать железнодорожные узлы и

Таблица 4

**Характеристика боевых частей средств поражения
железнодорожных объектов**

Средства поражения	Тип боевой части	Ядерный	Объемный	Кассетный	Обычный	Вероятность поражения цели
	Вероятность применения	На удалении до 1000—1200 км				
		0,1—0,2		0,8—0,9		
		На удалении более 1000—1200 км				
		0,5		0,5		
УР; КР	масса БЧ	1000 кг	123 кг	454 кг	136 кг	0,85
	отклонение	150 м	10 м	10 м	5 м	
УАБ	масса БЧ	1000 кг	500 кг	430 кг	430 кг	0,95
	отклонение	—	30 м	5 м	5 м	
Мины, Фугасы	масса БЧ	27 кг	—	—	12 кг	0,99

мостовые переходы, находящиеся на удалении до 1200 км от линии соприкосновения войск. Масштабы ударов могут быть весьма значительны (табл. 5), а вероятность разрушения объектов обычными средствами поражения достаточно высока (табл. 6).

Таблица 5

**Масштабы воздействия противника на железнодорожные объекты,
расположенные на глубине до 1200 км от линии соприкосновения войск**

Силы для нанесения ударов	Количество воздействий в сутки	Вероятность применения	Средства поражения	Количество разрушенных объектов за один удар	Количество разрушенных объектов на 1000 км за сутки при вероятности обнаружения 0,8
3—4 УР с массой БЧ 454 кг обычного ВВ или 454 кг кассетного типа; или 1—2 КР объемного взрыва с массой БЧ 200 кг	2—5	0,4	УР; КР	2—3 (с учетом 25 % потерь средств), из них: 2 БМ или 2 БМ и 1 ЖДУ	До 12
1—2 самолета тактической авиации (F-16), оснащенные: 2—4 УАБ с массой БЧ 430 кг обычного ВВ или кассетного типа (вероятность — 0,8) оснащенные: 4 УР с массой БЧ 454 кг обычного ВВ кг или 454 кг кассетного типа; или 1—2 КР объемного взрыва с массой БЧ 200 кг (вероятность — 0,2)	1	0,5	Авиационные бомбы	До 2-х БМ	До 2
1—2 разведывательно-диверсионных отряда, оснащенные 3—4 ПМЗД или 1—2 ОМЗД	1	0,1	Мины, фугасы	2 БМ или крушение до 2-х составов с МС	До 2
Итого					До 16

Примечание: БМ — большой (внеклассный) железнодорожный мост; ЖДУ — железнодорожный узел; МС — состав с материальными средствами.

Таблица 6

**Вероятность разрушения железнодорожных объектов
в зависимости от способа поражения**

Способ поражения	Вероятность применения способа ($P_{пр}$)	Вероятность обнаружения объекта ($P_{об}$)	Вероятность доставки ($P_{дос}$)	Вероятность поражения ($P_{пор}$)	Вероятность разрушения ($P_{разр}$)
УР; КР	0,4	0,8	0,82—0,9	0,85	0,56—0,61
УАБ	0,5		0,2—0,5	0,95	0,15—0,36
Мины, фугасы	0,1		0,25—0,37	0,99	0,20—0,29

Приведенной в таблицах информации для мирного времени вполне, на наш взгляд, достаточно, чтобы на ее основе решить и *вторую задачу* — определить величину разрушений по объектам (их интервальную оценку достоверности), выбрать способ восстановления и определить объемы соответствующих работ по видам.

Эта задача практически реализуется в ходе разработки проектных соображений на восстановление объектов технического прикрытия, разрушенных по расчетному характеру воздействия. При этом из трех возможных вариантов воздействия за расчетный целесообразно принимать тот, который приносит максимальный ущерб объекту поражения.

Основным параметром использования тех или иных средств поражения принято считать вероятность разрушения железнодорожного объекта ($P_{разр}$), которая характеризуется вероятностью обнаружения объекта ($P_{об}$), вероятностью доставки средств поражения ($P_{дос}$), вероятностью поражения ($P_{пор}$) и определяется по следующей формуле:

$$P_{разр} = P_{об} \cdot P_{дос} \cdot P_{пор}$$

В предположении, что максимальный ущерб объекту может быть нанесен применением оружия с минимальной массой заряда боевой части, но повышенной точностью доставки, за расчетный можно принять вариант поражения с максимальными значениями вероятности разрушения объекта и вероятности доставки средства поражения. Маловероятно, что для поражения одной цели противник будет одновременно использовать несколько средств, но со стопроцентной вероятностью вскрытый объект будет поражаться повторно.

Приведенный в статье анализ носит концептуальный характер, а поставленный вопрос о прогнозировании воздействия противника на железнодорожные объекты вызывает острые дискуссии и требует проведения дальнейших теоретических обоснований с применением современных методов исследования при наличии достоверных исходных данных о вероятном противнике.

Методический подход к оценке эффективности обороны объектов (на примере ПВО)

*Полковник Б.Н. ГОРЕВИЧ,
доктор технических наук*

ГОРЕВИЧ Борис Николаевич родился в 1961 году в деревне Лабоцкие Минской области. Окончил Минское высшее зенитное ракетное училище (1983), Военную инженерную радиотехническую академию ПВО имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова (1987). Службу проходил на инженерных должностях в Московском военном округе и на научных должностях во 2 ЦНИИ МО РФ. После окончания адъюнктуры и защиты кандидатской диссертации, с 1995 года — на преподавательской работе в Академии ПВО. В настоящее время — профессор кафедры тактики и вооружения ЗРВ Военной академии воздушно-космической обороны. Защитил докторскую диссертацию по разработке методов обоснования требований к

живучести и надежности вооружения ЗРВ. Автор более 100 научных трудов. В 2006 году занесен в ежегодный биографический сборник «Кто есть кто в науке и инженерии» (издательство Marguis, США).

ОДНИМ из важнейших вопросов, рассматриваемых на этапе построения системы обороны, является оценка ожидаемой эффективности боевых действий. В общетеоретическом плане оценка эффективности включает решение следующих самостоятельных задач¹: обоснование системы показателей эффективности с позиций их максимального соответствия целям обороны; расчет (оценку) значений показателей эффективности на основе результатов моделирования боевых действий; обоснование критерия эффективности, согласованного с целями обороны; оценку достижения целей обороны при рассчитанных значениях показателей эффективности с использованием принятого критерия эффективности.

Результаты оценки эффективности служат основой для выработки решения на совершенствование системы обороны за счет целенаправленного изменения характеристик системы вооружения, форм и способов его боевого применения.

Оценка ожидаемой эффективности боевых действий представляет собой сложную научную проблему ввиду неоднозначности решения задач обоснования показателей и критерия эффективности, а также сложности построения адекватной модели боевых действий. Между тем высокая ответственность за принятые решения обуславливает необходимость качественного решения названных задач, высокого уровня их научной обоснованности, которая определяется, прежде всего, логической ясностью получаемых выводов и результатов.

¹ Надежность и эффективность в технике. М.: Машиностроение, 1986. Т. 1.

Удовлетворить этим требованиям весьма сложно уже в связи с тем, что сами цели обороны, как правило, не могут быть достаточно четко сформулированы вследствие неопределенности исходных условий боевой обстановки и слабой прогнозируемости вариантов действий противника. Лицо, формулирующее боевую задачу, пытается в максимальной степени предупредить все возможные негативные последствия. В результате цель боевых действий задается не конкретно (количественно), а в виде нескольких императивных выражений: «не допустить прорыва обороны», «отразить удар противника», «прикрыть объект от ударов противника», «не допустить ударов по обороняемому объекту».

Вследствие отсутствия четкой количественно определенной цели и постановки нескольких целевых установок на оборону оценка эффективности боевых действий и совершенствование (синтез) системы обороны становятся проблематичными.

Кроме того, стремление максимально детализировать процесс боевых действий и учесть все значимые факторы при расчете показателей эффективности ведет к созданию сложных, как правило, имитационно-статистических моделей. Учет большого количества факторов снижает обзорность результатов моделирования, затрудняет их логический анализ, построение тенденций и закономерностей. Статистическое моделирование предполагает необходимость набора достаточной статистики для получения достоверных результатов, что также усложняет процесс обработки и интерпретации результатов и ограничивает возможности оперативного исследования влияния варьируемых факторов боевых действий на показатели эффективности.

В описанной ситуации лицо, ответственное за создание системы обороны, несмотря на массу усилий, затраченных для оценки эффективности обороны, может оказаться практически на исходных позициях относительно принятия решения и выбора того или иного варианта.

Разрешению описанных проблем способствует *дополнительное по отношению к имитационно-статистическим моделям использование логических моделей боевых действий*. Выработанные с их помощью принципы и закономерности служат надежным трафаретом, в рамки которого должны укладываться результаты, получаемые и уточняемые на более сложных моделях.

Еще **на этапе разработки логической модели боевых действий** необходимо конкретизировать целевую установку системы обороны и формализовать процесс оценки ее эффективности. Указанную задачу позволяет решить подход, основанный на использовании понятия боевых нарядов². Покажем реализацию данного подхода на примере противовоздушной обороны (ПВО).

Боевой наряд ($N_{БН}$) средств воздушного нападения (СВН) противника в операции включает три составляющих:

$$N_{БН} = N_{ПН} + N_{БП} + N_{ВП}, \quad (1)$$

где $N_{ПН}$ — суммарный полигонный наряд на объект обороны. Величина $N_{ПН}$ численно равна минимальному количеству СВН, не уничтоженных средствами ПВО, необходимому для поражения объекта обороны с требуемым уровнем вероятности. Полигонный наряд является постоянной величиной для каждого объекта обороны и зависит только от возможностей СВН по поражению объекта;

² Военная кибернетика: методология обоснования направлений развития зенитного ракетного вооружения и синтеза ЗРС. М.: ВИМИ, 1997.

$N_{\text{БН}}$ — безвозвратные потери СВН при преодолении системы ПВО, в том числе и из состава группы обеспечения. Эти потери могут быть определены как математическое ожидание числа уничтоженных целей из участвующих в операции ($N_{\text{БП}} = Mz$);

$N_{\text{ВП}}$ — временные потери СВН, представляющие собой СВН из группы боевого обеспечения, предназначенные для поражения средств ПВО и непораженные огнем этих средств.

Для раскрытия подхода к синтезу системы обороны на основе понятия боевого наряда вначале используем концепцию пригодности вырабатываемых решений, сущность которой заключается в выборе таких характеристик системы обороны, при которых показатели эффективности принимают значения не ниже некоторого приемлемого уровня.

В рамках *концепции пригодности* введем критериальные значения показателей боевого наряда СВН.

Исходя из существующего опыта боевых действий и имеющихся тенденций в военных доктринах вероятного противника, будем полагать, что: противник оценивает свои возможности по поражению объекта обороны и начинает боевые действия только в том случае, если способен поразить объект (т. е. если количество СВН, прорвавшихся к объекту, достаточно для доставки требуемого количества боеприпасов); противник оценивает свои потери и не начнет боевые действия, если эти потери превышают некоторый приемлемый (критический) уровень (по оценкам, для экономически развитых стран он составляет 4–5 % пилотируемой авиации).

С позиций концепции пригодности для того, чтобы сделать вывод об эффективности ПВО, необходимо и достаточно оценить способность группировки ПВО по недопущению выполнения противником боевой задачи по поражению объекта обороны и по нанесению ему критического ущерба: система ПВО является эффективной, если противник не способен поразить объект и (или) его потери превышают критический уровень. В противном случае система ПВО неэффективна.

Для оценки соответствия системы ПВО своему предназначению необходимо исследовать боевые возможности противника при различных вариантах распределения СВН на группу боевого обеспечения и ударную группу.

Синтез системы ПВО заключается в построении боевых порядков, выборе средств ПВО, средств и способов их защиты от поражения противником, способа ведения боевых действий и т. д., позволяющих при возможных различных вариантах распределения СВН на группу боевого обеспечения (группу поражения средств ПВО) и ударную группу (группу поражения объекта обороны) обеспечить названное условие эффективности системы ПВО.

Построим логическую модель, отражающую соотношение боевых возможностей противоборствующих сторон (группировок СВН и ПВО) на интервале операции.

Противник при планировании и проведении воздушных операций придерживается стратегии «приемлемого ущерба», основанной на достижении целей операции с минимальными потерями. В соответствии с этим рациональное распределение боевого наряда по составляющим (1) предполагает выполнение требования по обеспечению некоторого допустимого (критического) уровня безвозвратных потерь СВН, прежде всего пилотируемых, при превышении которого противник не начнет боевые действия:

$$N_{\text{БП}} \leq N_{\text{БП доп}} \quad (2)$$

Величина $N_{\text{БПдоп}}$ при оперативных расчетах определяется обычно как доля от величины $N_{\text{БН}}$:

$$N_{\text{БПдоп}} = n_{\text{пр}} N_{\text{БН}}, \quad (3)$$

где $n_{\text{пр}}$ — коэффициент критического для противника уровня потерь СВН (0,4—0,5).

Учтем также ограничение на общую величину боевого наряда СВН, который может быть использован в операции:

$$N_{\text{БН}} \leq N_{\text{БПдоп}}. \quad (4)$$

Необходимость учета ограничения (4) продиктована опытом последних войн и обусловлена ограничениями группировки СВН по возможностям базирования на театре военных действий, боевого и тылового обеспечения и временными ограничениями по ее наращиванию. Справедливости ради отметим, что данное ограничение определяет величину интервала операции в рамках рассматриваемой модели — она должна быть такой, что невозможно существенное изменение соотношения сил противоборствующих сторон за счет ввода дополнительных ресурсов извне.

Противник выполнит боевую задачу, если количество СВН $N_{\text{СВН}}$ из ударной группы, не пораженных огнем средств ПВО, достигнет величины требуемого для данного объекта полигонного наряда $N_{\text{ПН}}$:

$$N_{\text{СВН}} \geq N_{\text{ПН}}. \quad (5)$$

Логическая схема, отражающая соотношение элементов, определяющих боевые возможности противоборствующих сторон, представлена на рис. 1.

Боевой наряд СВН $N_{\text{БН}}$ в ходе удара делится на две составляющие — ударную группу $N_{\text{БН1}}$ и группу боевого обеспечения $N_{\text{БН2}}$:

$$N_{\text{БН}} = N_{\text{БН1}} + N_{\text{БН2}}. \quad (6)$$

Соотношение между этими составляющими, задаваемое коэффициентом $\alpha_{\text{СВН}}$, определяется необходимостью удовлетворить противоречивым требованиям: с одной стороны — минимальным суммарным нарядом $N_{\text{БН}}$ обеспечить требуемую величину полигонного наряда $N_{\text{ПН}}$ на объект с учетом возможных безвозвратных потерь СВН $N_{\text{БП1}}$; с другой стороны — выделить из состава боевого наряда средства $N_{\text{БН2}}$ для подавления ПВО с целью снижения возможных боевых потерь СВН.

Часть СВН группы обеспечения $N_{\text{БН2}}$ при входе в зону огня системы ПВО будет уничтожена (безвозвратные боевые потери СВН $N_{\text{БП2}}$). Оставшаяся часть СВН (временные потери СВН $N_{\text{ВП}}$) окажет огневое воздействие по средствам ПВО.

С целью минимизации своих потерь противник будет стремиться осуществлять поражение средств ПВО без входа в зону огня. В этом случае безвозвратные потери наряда группы обеспечения отсутствуют: $N_{\text{БП2}} = 0$ (пунктирная стрелка на рисунке 1 отражает тот факт, что группа обеспечения может не подвергаться огневому воздействию средств ПВО). Ударная группа СВН всегда подвергается огневому воздействию средств ПВО, в противном случае построение системы ПВО теряет смысл (сплошная стрелка от системы ПВО к $N_{\text{БН1}}$).

В итоге логическая модель боевых действий определяется схемой, представленной на рисунке 1, и системой следующих математических выражений:

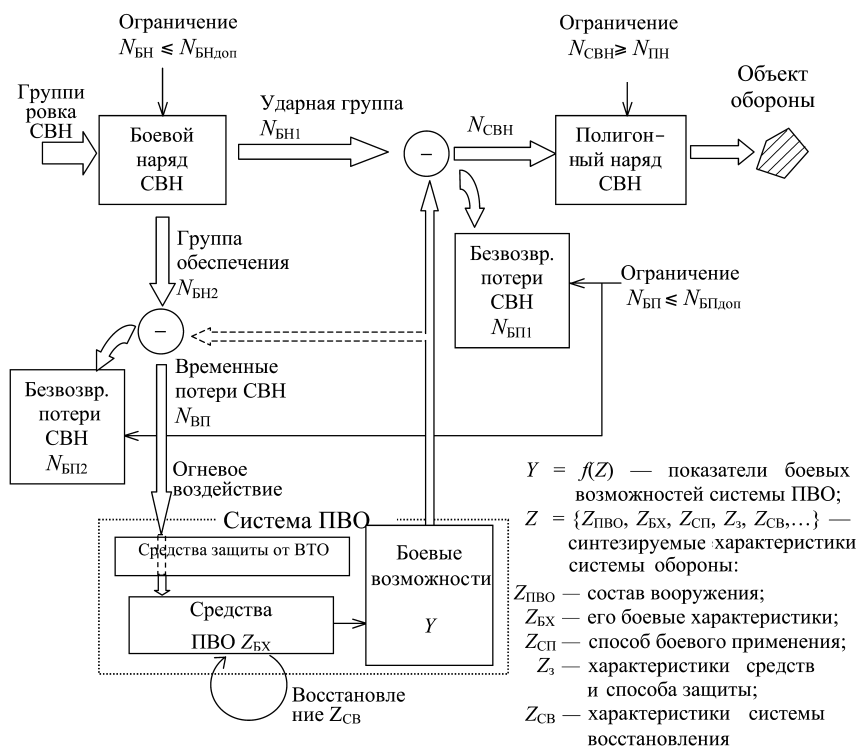

Рис. 1. Соотношение элементов, определяющих боевые возможности противоборствующих сторон

для случая, когда СВН группы обеспечения входят в зону огня средств ПВО:

$$\begin{aligned}
 N_{БН} &= N_{БН1} + N_{БН2}; N_{БН} \leq N_{БНдоп}; \\
 N_{БН1} &= (1 - \alpha_{СВН}) N_{БН} = N_{БП1} + N_{СВН}; \alpha_{СВН} \in [0, 1]; \\
 N_{БН2} &= \alpha_{СВН} N_{БН} = N_{БП2} + N_{ВП}; \\
 N_{БП} &= N_{БП1} + N_{БП2} \leq N_{БПдоп}; \\
 N_{СВН} &\geq N_{ПН}.
 \end{aligned}
 \tag{7}$$

Для случая, когда СВН группы обеспечения не входят в зону огня ЗРС приведенные соотношения также выполняются, с учетом $N_{БП2} = 0$.

Для функционального анализа слагаемых боевого наряда рассмотрим их как функции от величины $\alpha_{СВН}$.

Вначале рассмотрим случай, когда СВН группы боевого обеспечения не входят в зону огня средств ПВО ($N_{БП2} = 0$, т. е. $N_{БП} = N_{БП1}$).

Функция $N_{БП}(\alpha_{СВН})$ является монотонно убывающей. Действительно — чем больше средств противник выделяет на подавление системы ПВО, тем меньше его собственные потери $N_{БП} = N_{БП1}$ при прорыве ПВО объекта*. Учитывая это свойство функции $N_{БП}(\alpha_{СВН})$ будем

* В теории эффективности ПВО эта зависимость в общем случае считается экспоненциальной: $N_{БП1} = N_{СВН} [1 - \exp\{-P \cdot n / N_{СВН}\}]$, где P — вероятность поражения одиночной цели, n — количество возможных воздействий по цели.

использовать ее как опорную для расчета всех других показателей боевого наряда в соответствии с системой выражений (7).

В зависимости от скорости убывания $N_{БП}(\alpha_{СВН})$ по-разному себя ведет функция, характеризующая число СВН, используемых непосредственно для нанесения удара по объекту (для решения противником его боевой задачи):

$$N_{СВН}(\alpha_{СВН}) = N_{БН1} - N_{БП1} = (1 - \alpha_{СВН}) N_{БН} - N_{БП}(\alpha_{СВН}). \quad (8)$$

Скорость убывания функции $N_{БП}(\alpha_{СВН})$ зависит от боевых возможностей системы ПВО. В связи с этим результаты анализа соотношений (7) для разных вариантов функции $N_{БП}(\alpha_{СВН})$ позволяют определить ту систему ПВО, при которой не выполняются критериальные ограничения (3), (5), т. е. эффективную систему.

В качестве примера на рисунке 2 приведены результаты построения слагаемых боевого наряда для двух видов функции $N_{БП}(\alpha_{СВН})$, характеризующих неэффективную и эффективную ПВО. Поясним рисунки.

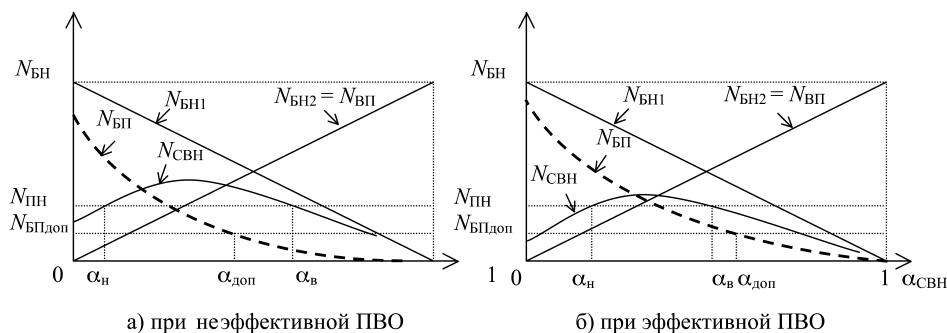

Рис. 2. Соотношение между составляющими боевого наряда при условии, что СВН группы боевого обеспечения не входят в зону огня средств ПВО

Рассмотрим содержание рисунка 2 (а). Пусть $\alpha_{СВН} = 0$, т. е. для подавления системы ПВО противник не выделяет средств. Тогда он понесет максимально возможные потери $N_{БП} \gg N_{БПдоп}$. Средств для поражения объекта обороны не останется ($N_{СВН} < N_{ПН}$).

По мере увеличения доли выделяемых противником средств в группу обеспечения (рост $\alpha_{СВН}$), его потери $N_{БП}$ снижаются ввиду подавления системы ПВО, и, соответственно, растет количество СВН $N_{СВН}$, прорвавшихся к объекту обороны. Однако при некотором значении $\alpha_{СВН}$ на подавление ПВО выделяется слишком много средств, и не остается средств для поражения объекта. Снижение числа средств $N_{СВН}$, прорвавшихся к объекту, станет критическим, когда не будет обеспечена требуемая величина полигонного наряда ($N_{СВН} < N_{ПН}$).

Таким образом, с позиций противника для поражения объекта обороны величина $\alpha_{СВН}$ должна находиться в пределах $[\alpha_н, \alpha_в]$, обеспечивающих соотношение $N_{СВН} \geq N_{ПН}$. При этом приемлемые потери противника (т. е. $N_{БП} \leq N_{БПдоп}$) обеспечиваются при $\alpha_{СВН} > \alpha_доп$.

Если эти условия выполняются, то противник выполнит боевую задачу (при этом он, очевидно, выберет оптимальное значение $\alpha_{СВН}$), а ПВО является неэффективной.

Если противник не способен обеспечить выполнение данных условий, что показано на рисунке 2 (б), то ПВО является эффективной.

Рисунок 2 (б) формально отличается от рисунка 2 (а) поведением функции $N_{БП}(\alpha_{СВН})$ — она имеет больший уровень, что возможно, например, за счет большей эффективности стрельбы средств ПВО, снижения их уязвимости и др. мер.

Графики остальных функций на рисунке 2 построены в соответствии с системой уравнений (7), на основе элементарных математических операций.

Несколько более сложным для анализа является случай, когда СВН группы боевого обеспечения входят в зону огня ПВО. Отметим, что этот случай для противника, оснащенного новыми типами ВТО, используемого с больших дальностей, маловероятен (может быть, даже неприемлем), тем не менее, рассмотрим его.

Необходимость входа в зону огня группы боевого обеспечения еще больше увеличивает потери СВН и уменьшает количество СВН $N_{ВП}$, которые могут быть использованы для поражения средств ПВО. Для этого случая в отличие от рассмотренного выше, необходимо учесть, что $N_{БП2} \neq 0$, в связи с чем, как следует из (7),

$$N_{ВП}(\alpha_{СВН}) = N_{БН2} - N_{БП2}(\alpha_{СВН}) = \alpha_{СВН} N_{БН} - N_{БН2}(\alpha_{СВН}). \quad (9)$$

Функция $N_{БН2}(\alpha_{СВН})$ имеет сложный характер, обусловленный противоречивыми тенденциями — с одной стороны с ростом $\alpha_{СВН}$ потери СВН растут ввиду увеличения числа СВН, входящих в зону огня средств ПВО; с другой стороны, при достаточно больших значениях $\alpha_{СВН}$ средства ПВО будут подавлены, и, следовательно, потери СВН будут относительно невысокими.

Один из возможных вариантов соотношения между составляющими боевого наряда для этого случая показан на рисунке 3. Для этого варианта значение коэффициента $\alpha_{СВН}$, при котором потери СВН не превышают допустимые (выполняется условие (2)), лежит в диапазоне $\alpha_{СВН} \in [\alpha_{доп}, 1]$. Требуемое же для поражения объекта обороны значение полигонного наряда $N_{СВН} \geq N_{ПН}$ обеспечивается при $\alpha_{СВН} \in [\alpha_{н}, \alpha_{в}]$, из чего следует, что ПВО эффективна.

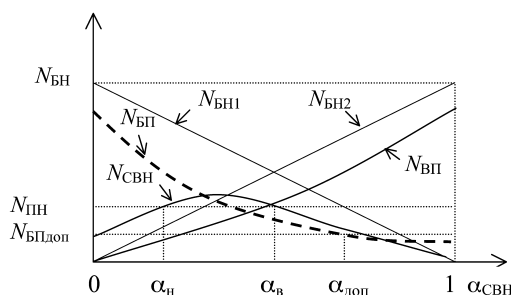

Рис. 3. Соотношение между составляющими боевого наряда при эффективной ПВО для случая, когда СВН группы боевого обеспечения входят в зону огня средств ПВО

Исходя из приведенных рассуждений, основанных на соотношениях (7) и проиллюстрированных построенными графиками, можно сделать некоторые *общие выводы*.

Первый. Противник выполнит свою задачу, если обладает требуемым количеством средств ($N_{БН}$) и обеспечит их такое распределение ($\alpha_{СВН}$), что при допустимых потерях ($N_{БПдоп}$) наряд поражения объекта обороны ($N_{СВН}$) будет не ниже требуемого значения полигонного наряда ($N_{ПН}$), т. е. если пересечение двух множеств соответствующих значений коэффициента $\alpha_{СВН}$ не является пустым множеством

$$[\alpha_{доп}, 1] \cap [\alpha_{Н}, \alpha_{В}] \neq 0. \quad (10)$$

где

$$\alpha_{Н} = \min_{\alpha_{СВН}} \arg [N_{СВН}(\alpha_{СВН}) = N_{ПН}], \quad \alpha_{В} = \max_{\alpha_{СВН}} \arg [N_{СВН}(\alpha_{СВН}) = N_{ПН}],$$

$$\alpha_{доп} = \arg_{\alpha_{СВН}} [N_{БП}(\alpha_{СВН}) = N_{БПдоп}].$$

Второй. Условием выполнения системой ПВО своей боевой задачи является наличие таких ее боевых возможностей Y , которые при любом распределении СВН на ударную группу и группу подавления ПВО обеспечат выполнение условия

$$[\alpha_{доп}, 1] \cap [\alpha_{Н}, \alpha_{В}] = 0. \quad (11)$$

Данное условие может быть формально выражено через показатели логической модели следующим образом

$$\forall \alpha_{СВН} [0, 1]: (N_{СВН}(Y) < N_{ПН}) \vee [(N_{СВН}(Y) \geq N_{ПН}) \rightarrow (M_{ц}(Y) \geq N_{БПдоп})]. \quad (12)$$

Условие (12) является условием эффективности обороны.

Физический смысл этого условия заключается в том, что эффективная система ПВО обладает уровнем боевых возможностей, который позволит уничтожить такое количество СВН из участвующих в операции, что при любом распределении СВН на ударную группу и группу боевого обеспечения противник не достигнет требуемого значения величины полигонного наряда на объект, или откажется от нанесения ударов из-за недопустимых потерь СВН.

Условие (12) эффективности обороны получено в рамках концепции пригодности вырабатываемых решений. Характеристики синтезируемой системы ПВО, разработанные в соответствии с данной концепцией, обеспечивают срыв выполнения противником поставленных задач вследствие получения им критических потерь или недостижения заданного уровня ущерба объекту обороны. При этом не учитываются собственные боевые потери системы обороны от ударов противника.

Такой подход к синтезу системы ПВО является частным случаем общего подхода, основанного на **концепции оптимальности вырабатываемых решений**. Общий подход заключается в необходимости минимизации своих потерь при обязательном выполнении условия (12).

Заметим, что в рамках концепции оптимальности при синтезе системы ПВО возможен учет и других требований, вытекающих из проведенного выше функционального анализа слагаемых боевого наряда (рис. 2, 3). В частности, можно исходить из требования максимизации потерь СВН $N_{БП}$ при наилучшем для противника распределении сил (при максимальном значении $N_{СВН}(\alpha_{СВН})$), или из требования минимизации максимально возможного ущерба объекту обороны (т. е. минимизации максимума значения $N_{СВН}(\alpha_{СВН})$) и др.

Таким образом, в общем случае, *синтез системы ПВО заключается в определении таких характеристик Z системы ПВО* (состав вооружения, его боевые характеристики, способ применения, устойчивость к воздействию СВН и др.), влияющих на показатели ее боевых возможностей Y , при которых будет достигаться минимум собственных потерь, и обеспечено выполнение условия (12).

В основе практической реализации рассмотренного подхода к оценке эффективности и синтезу системы ПВО лежит разработка адекватных моделей, позволяющих получить зависимость $Y(Z)$ — показателей боевых возможностей системы ПВО от показателей элементов обороны и зависимость $N_{\text{БП}}(Y)$ — боевых потерь противника от боевых возможностей системы ПВО, а также выработка методов достоверной оценки критериальных значений потерь противника и ущерба, наносимого противником объекту обороны.

В заключение необходимо отметить, что *предложенный методический подход к оценке ожидаемой эффективности обороны заключается в необходимости проверки удовлетворения результатов моделирования боевых действий определенным условиям*. Такие условия для концепции пригодности вырабатываемого решения на оборону задаются соотношением (12), а для концепции оптимальности дополняются рядом перечисленных требований, основным среди которых является минимизация собственных потерь.

Рассмотренный методический подход расширяет границы традиционного подхода к оценке эффективности обороны, основанного на сравнении математического ожидания числа поражаемых целей в операции $M_{\text{ц}}$ с некоторым требуемым значением $M_{\text{цтр}} = N_{\text{БПдоп}}$. Настоящий подход дополнительно учитывает другие существенные ограничения на слагаемые боевого наряда (ограничения (4) и (5)), а также логические взаимосвязи этих слагаемых и их зависимость от варианта действий противника, определяемого возможностями по распределению средств нападения в ударную группу и группу обеспечения. Логический анализ результатов боевых действий на основе предложенной логической модели позволяет проводить комплексную оценку эффективности обороны — оценку степени достижения основных целей обороны по прикрытию объекта и отражению ударов противника в зависимости от уровня боевых возможностей системы обороны.

Применение данного методического подхода ввиду его комплексности и ясного физического смысла получаемых выводов позволяет лицу, ответственному за совершенствование системы обороны, повысить уровень уверенности в обоснованности принимаемых решений.

О работе органов военного управления со средствами массовой информации в период вооруженного конфликта

*Полковник В.И. ТИМОФЕЕВ,
доктор политических наук*

ВОЙНЫ и вооруженные конфликты давно и прочно стали одной из ведущих тем средств массовой информации (СМИ). Если где-то на земном шаре противоборствующие стороны начинают выяснять отношения с помощью военной силы, то информация об этом сразу же появляется на экранах телевизоров, звучит по радио, находит отражение на страницах периодических изданий. Так происходит потому, что войны и вооруженные конфликты возведены в ранг наиболее популярных тем СМИ. И тенденция здесь такова, что внимание к освещению боевых действий, различных кризисных ситуаций проявляют все большее число изданий. Лучше всего об этом говорят цифры, характеризующие присутствие корреспондентов в «горячих точках». Так, если в ходе Второй мировой войны высадку союзников по антигитлеровской коалиции в Нормандии (Франция) в июне 1944 года освещали около 30 корреспондентов, то операцию вооруженных сил США в Панаме (1989) — свыше 500, а войну в зоне Персидского залива (1990—1991) — уже 1500 журналистов из ведущих стран мира. В течение последних десятилетий эта тенденция еще более укрепилась. По сведениям западных источников, 1700 журналистов, включая технический персонал, освещали миротворческую операцию в Боснии и Герцеговине (1996). В пресс-центре антииракской коалиции в Катаре только за первые две недели активных боевых действий было аккредитовано свыше 2000 журналистов.

Причин повышенного внимания СМИ к войнам и вооруженным конфликтам несколько.

Во-первых, войны и вооруженные конфликты — это, безусловно, всегда клубок сложных военно-политических и социальных проблем, которые неизменно волнуют общество. Многих людей интересует, каковы причины зарождения конфликта, какие цели преследуют его участники, существуют ли рецепты, способные заставить воюющие стороны прекратить огонь и сесть за стол переговоров. Ответы на эти животрепещущие вопросы люди зачастую ждут от СМИ, уповая на их информированность и аналитичность.

Во-вторых, освещение военно-политической проблематики является законным правом СМИ. Особое положение журналистов, работающих в условиях вооруженных конфликтов, их права и защита обеспечиваются международными правовыми нормами.

В-третьих, война, кризис, как ни цинично это звучит, — всегда зрелище. Людям нравится, сидя в безопасности перед телевизором, получать свою дозу адреналина, наблюдая за событиями и оценивая напряженность обстановки. А посему зрелищность войны, драматизм критической ситуации, экстремальный характер условий отнесены к

беспронимчивым информационным поводам. Средства массовой информации просто обязаны уделять им повышенное внимание, если, конечно, хотят остаться в центре зрительского и читательского интереса.

Следовательно, **любой вооруженный конфликт или война неизбежно станут объектом повышенного внимания представителей СМИ.** В эпицентре событий, на передовой войны непременно окажутся люди с камерами, диктофонами и блокнотами.

Внимание к СМИ со стороны органов военного управления объясняется, во-первых, той ролью, которую печатные и электронные СМИ играют в современном обществе. Имея реальную возможность оказывать воздействие на миллионы жителей не только своих, но и других стран и целых континентов, они являются важнейшим фактором формирования общественного мнения по самому широкому кругу проблем, в том числе военно-политических.

Во-вторых, СМИ влияют на уровень морально-психологического состояния военнослужащих. Реальность такова, что печать, радио и телевидение являются одним из наиболее значимых институтов духовно-нравственного воспитания, формирования нужных поведенческих установок, высокого морального духа и психологической готовности личного состава к защите Отечества, без достижения которых ведение собственно боевых действий во многих случаях становится бессмысленным.

В-третьих, СМИ широко используются в информационном противоборстве, которое ведется постоянно, в мирное и военное время.

Повсеместное внедрение радио, телевидения, спутниковой связи, телекоммуникационных средств создало ситуацию, когда целенаправленное информационное воздействие, осуществляемое отдельными субъектами информационного противоборства, достигло уровня мирового общественного мнения. Значительные расстояния и государственные границы больше не являются препятствиями для такого воздействия. В мирное время оно имеет скрытый характер, его объектами являются военно-политическое руководство, население и личный состав вооруженных сил. При этом они могут не догадываться о том, что подвергаются целенаправленному воздействию, когда читают газеты, смотрят телевизор или слушают радио. С перерастанием военно-политической обстановки в кризисную фазу информационное противоборство с использованием СМИ приобретает все более резкие черты. Стороны стремятся доминировать в информационном пространстве и всячески привлекают СМИ на свою сторону.

Таким образом, **заинтересованность в сотрудничестве органов военного управления и СМИ носит обоюдный характер.** И от того, как органы военного управления будут работать с корреспондентами, зависит не только восприятие боевых действий самими журналистами, но и создаваемый ими **образ воюющей армии, страны в целом.**

Как видим, работа со СМИ в период вооруженного конфликта — тема для серьезного разговора. **Сложность данной проблемы для Российской армии стала очевидной в ходе восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике в 1994—1996 годах.**

Сегодня приходится с сожалением констатировать, что при подготовке и осуществлении операции органами государственного и военного управления не были учтены задачи по работе со СМИ, что привело к полной потере контроля над информационной ситуацией со стороны государства и его силовых структур. Бывший пресс-секретарь президента Б. Ельцина В. Костиков так отозвался об упущенных воз-

возможностях: «Меня поразило, что в преддверии ввода войск в Чечню никто не удосужился собрать главных редакторов крупнейших газет, конфиденциально проинформировать их об истоках чеченского кризиса, о целях и договориться о взаимодействии. Неудивительно, что даже в дружественной президенту и правительству прессе начался полный разнобой оценок»¹.

Власть, верно оценив силу СМИ, попыталась переломить негативные тенденции в освещении событий и организовать собственный информационный поток о происходящем в Чеченской Республике. Для координации усилий по освещению боевых действий в государственных СМИ распоряжением Правительства РФ № 1989-р от 24 декабря 1994 года, т. е. *на двенадцатый день* после начала военной операции, был создан информационно-аналитический центр. Медлительность в действиях власти привела к тому, что инициатива оказалась упущенной. Для сравнения: в годы Великой Отечественной войны Совинформбюро, на которое возлагалось «руководство освещением... событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного командования»², было создано *на третий день* после нападения Германии.

Не увенчались успехом и попытки федеральной власти упорядочить работу журналистов в самой Чечне. Постановлением Правительства РФ № 1360 от 9 декабря 1994 года аккредитация журналистов поручалась Временному информационному центру при Роскомпечати. Однако сами правила аккредитации носили общий характер и включали лишь требования технического характера (паспортные данные, наличие страховки, номер телефона редакции и т. д.). Неудивительно, что усилия государственной власти по упорядочению работы журналистов в зоне вооруженного конфликта результатов не дали.

Не на высоте оказались и силовые структуры. Вместо того чтобы осуществлять согласованные действия по информационному освещению событий той поры, силовые ведомства фактически заблокировали от общественности объективную информацию в период ввода войск на территорию Чечни. Так, за первый месяц операции федеральных сил на Северном Кавказе официальная информация, исходящая от Министерства обороны, составила менее 5 % от всего объема сообщений СМИ, связанных с событиями в Чечне.

Ошибки в работе со СМИ на оперативно-стратегическом уровне дополнились очевидными просчетами в оперативно-тактическом звене. Военное командование, сосредоточившись на решении боевых задач, не считало нужным отвлекаться на работу с корреспондентами, разъяснять им обстановку, помогать в выполнении профессиональных обязанностей. В противовес такому равнодушию боевики демонстрировали просто-таки радушное гостеприимство по отношению к журналистам, предоставляя им возможность для подготовки материалов посещать секретные горные лагеря и базы, встречаться с командирами незаконных формирований.

В результате отечественные СМИ подвергли политику центральной власти и действия федеральных войск всестороннему осуждению, зачастую освещали боевые действия из стана сепаратистов, предста-

¹ К о с т и о в В. Роман с президентом: Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997. С. 326.

² О создании Советского информационного бюро. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. // КПСС о средствах массовой информации. М., 1987. С. 21.

вляя российских солдат и офицеров убийцами, мародерами и т. д. «Первая чеченская кампания — это квинтэссенция полной беспомощности в информационной сфере»³ — такова исчерпывающая оценка работы органов военного управления, сделанная министром обороны С. Ивановым на годовом отчетном собрании Академии военных наук РФ в январе 2003 года.

Остается лишь сожалеть, что при восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике в 1994—1996 годах *не был востребован ни отечественный, ни зарубежный опыт работы с журналистами в период боевых действий.*

Что касается отечественного опыта, то он, на наш взгляд, своими корнями уходит в период русско-турецкой кампании (1877—1878). Именно тогда делами печати при действующей армии заведовал полковник М. Газенкампф (1843—1913), впоследствии генерал от инфантерии, преподаватель военной администрации Николаевской академии Генерального штаба. В своей книге «Мой дневник» он оставил важные, актуальные и сегодня наблюдения относительно организации работы военного командования с корреспондентами.

Во-первых, М. Газенкампф обращал внимание на необходимость выдачи рекомендации на работу в зоне боевых действий для иностранных корреспондентов и направления от издания для русских, по-современному — аккредитации. Во-вторых, он ввел запрет на распространение в печати конкретных сведений о численности русской армии, ее передвижениях и предстоящих действиях, которые могли быть использованы неприятелем для организации боевых действий. В-третьих, он указывал на необходимость контролировать выполнение корреспондентами своих обязанностей. Для этого в главную квартиру армии для изучения должны были доставляться газеты с напечатанными материалами. В-четвертых, он выступал за выделение русским командованием времени для специальных бесед с корреспондентами, фактически — за пресс-конференции. В-пятых, Газенкампф предложил, чтобы каждый журналист носил жетон с надписью «Корреспондент» и личным номером. Позднее медный жетон был заменен нарукавной трехцветной повязкой (черно-желто-белой) с надписью «Корреспондент» и номером, под которым журналист был занесен в общий список⁴.

Другой представитель академии Генерального штаба — выдающийся русский и советский военный теоретик А. Свечин (1878—1938) в своей знаменитой работе «Стратегия» подробно рассмотрел значение сообщений для печати в период войны, поставив взаимодействие с прессой в ряд *стратегических функций военного руководства*. Он призывал строить такую работу на принципах оперативности, открытости, уважения журналистского труда⁵.

В годы советской власти целенаправленная работа с военными корреспондентами отошла на второй план, уступив место партийному руководству и жесткому диктату цензоров Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита). Любой публикации на военную тему в обязательном порядке предшествовало знакомство цензора с материалом. Такой подход способствовал вымарыванию всего, что шло вразрез с официальной партийной линией.

Между тем в стане наших тогдашних вероятных противников активно совершенствовалось искусство взаимодействия военного командования с представителями СМИ. Многочисленные войны и вооруженные кон-

³ Вестник академии военных наук. 2003. № 2. С. 3.

⁴ Газенкампф М.А. Мой дневник. 1877—78 гг. СПб., 1908.

⁵ Свечин А.А. Стратегия. М.: ВАГШ, 1995. С. 274—275.

фликты второй половины XX — начала XXI века давали широкие возможности для различного рода экспериментов и новаций в этой области.

Наиболее продвинутыми оказались военные США. Отправной точкой в формировании современных взглядов американских специалистов на роль СМИ в период вооруженного конфликта стала **война во Вьетнаме**. Тогда военно-политическое руководство США явно недооценило фактор СМИ. Телекадры с прибывающими из Вьетнама гробами, искалеченными американскими солдатами, сожженными напалмом деревнями во многом способствовали нарастанию в Соединенных Штатах Америки антивоенных настроений, формированию негативного образа армии в глазах общественности, а также резкому падению морального духа личного состава, что в конечном счете привело к бесславному уходу американцев из Индокитая.

Учтя уроки Вьетнама, Пентагон приложил немало усилий для совершенствования работы со СМИ, что дало положительный эффект в вооруженных конфликтах поствьетнамской поры. Каждый такой конфликт можно рассматривать как очередную ступеньку в сложном восхождении к вершинам нынешней системы взаимоотношений Пентагона и СМИ.

Яркий пример тому — **операция «Вспышка ярости» на Гренаде (октябрь 1983)**. В ходе ее подготовки США в целом успешно задействовали СМИ для обработки международного общественного мнения, а также местного населения и военнослужащих противостоящей стороны. А вот работа с журналистами непосредственно в ходе операции оказалась проваленной. Только на третий день после ее начала военное командование допустило репортеров на остров. Самостоятельная попытка журналистов попасть в район операции оказалась неудачной — лодка с репортерами была обстреляна авиацией США. Все это вызвало шквал критики в СМИ. Для изучения сути вопроса Пентагон поспешил создать специальную комиссию, которая вскоре подготовила рекомендации по работе армии со СМИ. Главный совет заключался в том, чтобы *планирование работы со СМИ входило в общий план военной операции*. Предполагалось оказывать журналистам помощь в вопросах передвижения и передачи информации, а также формировать журналистские пулы в случаях, когда свободный доступ прессы в зону боевых действий невозможен.

В операции «Правое дело» в Панаме (декабрь 1989 — январь 1990) взаимоотношения со СМИ строились уже по обновленной схеме. В заранее разработанном плане определялся порядок взаимодействия военного командования с журналистами, вплоть до сроков передачи им конкретной информации.

Для освещения хода операции был сформирован специальный пул журналистов, которых заранее переправили в Панаму. С началом операции для них ежедневно, а иногда и по несколько раз в день организовывались брифинги и встречи с высокопоставленными военными, в ходе которых до журналистов доводились самые свежие сведения о военно-политической ситуации в стране. Это, во-первых, позволяло оперативно освещать ход боевых действий, давало возможность каждому американцу чувствовать себя очевидцем происходящего, переживать за жизнь соотечественников и успешное завершение операции; во-вторых, на время закрывало (или существенно ограничивало) доступ «нежелательных» журналистов в зону боевых действий.

Накладки начались, когда в Панаму устремились представители СМИ, «не прикормленные» Пентагоном, количество которых в

десятки раз превысило численность ранее сформированного пула. Командование не придумало ничего лучшего, как собрать их на авиабазе Говард, подальше от боевых действий. Такая «опека» обернулась валом критических выступлений в СМИ. В результате военным вновь пришлось формировать комиссию и совершенствовать систему работы с журналистами.

Накопленный опыт оказался востребованным в период подготовки и проведения США и их союзниками **операций «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» (1990—1991)**. Стоит отметить, что общее руководство информационным обеспечением с учетом военно-политических целей операций и роли США в их достижении осуществлялось на уровне Совета национальной безопасности. Для координации работы с журналистами непосредственно в войсках при штабе объединенной коалиции было образовано специальное информационное бюро, фактически — пресс-центр. В его состав вошли представители всех видов вооруженных сил, уполномоченные поддерживать контакты со СМИ, организовывать в войсках работу аккредитованных журналистов, следить за режимом распространения сведений.

И на этот раз работа с журналистами обогатилась целым рядом новшеств. Так, для укрепления доверия американских граждан к армии, выполняемым ею задачам военные решили наладить постоянно действующий информационный мост между войсками и общественностью. В качестве источников распространения информации были выбраны небольшие местные газеты и телекомпании, которые в основном рассказывали о воинских частях и даже отдельных солдатах-земляках. Такой подход позволил приблизить армию к среднему американцу, сделал ее человечнее, а решаемые задачи — понятнее. В провинции развернулась кампания «Поддержим наши войска». Известные представители кино, эстрады и спорта на страницах печатных СМИ, по радио и телевидению выступали в поддержку армии.

По оценкам ряда военных аналитиков, в операциях в зоне Персидского залива был продемонстрирован «классический вариант» работы со СМИ в интересах достижения целей силовой акции. Казалось бы, военно-политическое руководство США, учитывая результаты кампании и ее освещение в СМИ, вполне могло быть удовлетворено информационными успехами. Но в Пентагоне не стали довольствоваться достигнутым и вместе с представителями СМИ тщательно проанализировали все детали взаимоотношений военного командования с журналистами. Со стороны последних критические замечания вызвала система пулов. Ряд СМИ утверждали, что она ограничивает доступ к информации и создает вокруг репортеров обстановку фактической цензуры.

Пентагон не стал ввязываться в заведомо проигрышный спор, а усовершенствовал систему пулов, что нашло отражение в руководящих документах военного ведомства: в «Принципах информационного освещения операций», введенных в действие в июне 1992 года специальной директивой министра обороны, а также в Наставлении комитета начальников штабов ВС США «Доктрина использования службы по связям с общественностью при проведении операций».

Особое внимание было уделено вопросу подготовки командного и рядового состава к контактам с журналистами. Служба по связям с общественностью подготовила карманные памятки для военнослужащих о том, как строить отношения с прессой.

Накопленный опыт использования возможностей СМИ был полностью реализован военным руководством США в период **операции «Поддержка демократии» на Гаити (сентябрь 1994)**.

Новшествами Пентагона стали, во-первых, обсуждение основных принципов освещения предстоящей операции на встрече журналистов с помощником министра обороны по связям с общественностью и средствами массовой информации (это дало возможность лишний раз подчеркнуть, что военные уделяют внимание СМИ); во-вторых, формирование не одного, а сразу нескольких пулов журналистов; в-третьих, предоставление монопольного права на распространение информации одной из ведущих американских телекомпаний — Си-эн-эн, которая вела прямой репортаж с места высадки американских войск. Это придавало событию особую важность, к тому же освободило Пентагон от рутинной работы с журналистами в ходе боевых действий. Впрочем, в дальнейшем такой подход не использовался из-за негативной реакции других СМИ, посчитавших себя обделенными вниманием военных.

В ходе **операции «Союзная сила» против Югославии (1999)** США и их союзники сделали ставку на формирование оперативных и регулярных информационных потоков по проблемам югославского конфликта. В штаб-квартире НАТО, а также в министерствах обороны ряда государств Североатлантического альянса (США, Великобритании, Италии) вошли в практику ежедневные брифинги и пресс-конференции, в ходе которых журналисты снабжались предварительно «отфильтрованной» информацией. Практиковалась также организация телемостов с лагерями албанских беженцев в Македонии и Албании, во время которых специально подготовленные «живые свидетели» рассказывали о бесчинствах сербов в Косово и страданиях албанцев.

Генератором же идей на информационном поле выступила пресс-служба НАТО. При ней был сформирован так называемый военный кабинет, куда вошли специалисты по связям с общественностью и СМИ из Великобритании, США, ФРГ, Франции и других стран блока. Данная структура взяла на себя анализ выступлений СМИ о ситуации на Балканах и выработку рекомендаций для руководства альянса по совершенствованию информационного обеспечения операции. Рекомендации военного кабинета оперативно внедрялись в жизнь, способствуя усилению антисербской риторики в западных СМИ.

Продуманная работа с информационными потоками, обогатившись рядом управленческих и творческих решений, получила свое продолжение и развитие в ходе подготовки и проведения **операции в Ираке, начавшейся в марте 2003 года**. Одну из ключевых ролей в организации работы с представителями СМИ сыграл пресс-центр антииракской коалиции, развернутый на базе Ас-Салайя (Катар).

Прежде всего, американские военные уделили внимание технической оснащенности и броскому оформлению пресс-центра, израсходовав на эти цели не менее миллиона долларов. На помощь Пентагону был призван один из ведущих дизайнеров в мире кино Дж. Эллисон. Его послужной список включает декорации для программы «Доброе утро, Америка!» телеканала ABC, а также оформление, на фоне которого выступает в Белом доме нынешний президент США. На этот раз стараниями Эллисона огромный склад на базе главного командования США в Катаре был превращен в один из самых высокотехнологичных пресс-центров в мире. Современная техника позволяла демонстрировать электронные карты, графические символы и видеоролики, благодаря чему у журналистов создавался эффект присутствия в любом месте военных действий.

Стремление американских военных к поиску новых подходов в работе со СМИ на этот раз выразилось в концепции внедрения репортеров в гущу событий, т. е. прикомандирования журналистов к частям, непосредственно выполняющим боевые задачи. В инструкции министерства обороны США, принятой незадолго до вторжения в Ирак, говорилось, что армия «должна показать фактическую сторону события до того, как другая сторона распространит дезинформацию». Для этого журналистам предоставлялась возможность «жить, работать и передвигаться как подразделения, к которым они прикреплены».

Хотя первоначально намерение Пентагона вызвало скептические оценки в журналистской среде, желающих поработать в армии США, участвующей в операции в Ираке, оказалось достаточно много. Ведь это давало возможность представителям СМИ освещать операцию с точки зрения ее непосредственных участников, готовить больше материалов очеркового плана, героями которых становились солдаты и офицеры. Поэтому по мере приближения операции круг участников информационной акции все более и более расширялся. Так, если в ноябре 2002 года предварительно был согласован вопрос о следовании с 3 млрд 50 корреспондентов, то в марте 2003 года дивизия пересекла границу Ирака, имея в своем составе уже 97 журналистов. Все они были распределены по бригадным тактическим группам и некоторым отдельным батальонам. При этом в каждую бригадную тактическую группу включались корреспонденты как печатных СМИ, так и электронных, включая Интернет-издания. В ходе операции места работы репортеров в зависимости от обстановки могли меняться. Командирам было предоставлено право направлять журналистов в те подразделения, которые, по их мнению, заслуживали наибольшего внимания прессы.

Как видим, военная практика содержит немало поучительных уроков работы со СМИ. Главный из них заключается в том, что **в период вооруженного конфликта органы государственного и военного управления должны активно работать со средствами массовой информации.**

Отрадно, что определенные подвижки в этом плане наметились и у нас. **Значительным шагом в построении взаимоотношений между органами военного управления и СМИ можно считать вторую чеченскую кампанию.** К основным моментам, характеризующим информационные усилия органов военного управления, можно отнести следующие.

Оперативное создание органов, ответственных за работу со СМИ, что нашло выражение в создании Росинформцентра, официально открытого 8 октября 1999 года в здании пресс-центра МИДа. На него возлагалась задача по работе со СМИ в период проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе. В январе 2000 года была введена должность помощника Президента РФ по информационной политике. Им стал С. Ястржембский, имеющий большой опыт работы с прессой.

Непосредственно в штабе Объединенной группировки войск (сил) был создан Временный пресс-центр ОГВ(с), в Гудермесе — пресс-центр полномочного представителя Правительства РФ. Лица, ответственные за работу со СМИ, имелись в группировках внутренних войск МВД, Железнодорожных войск, в главной военной комендатуре, 42 мсд.

Наличие таких сил позволило упорядочить работу журналистов в районах боевых действий, резко сократить число журналистов, работающих в Чеченской Республике без аккредитации. Все это, безуслов-

но, способствовало информационному обеспечению контртеррористической операции, позволило сократить масштабы поступления негативной информации в СМИ.

Стремление органов государственного и военного управления к информационной открытости. В практику вошли регулярные пресс-конференции и брифинги для российских и зарубежных корреспондентов. Часто на них приглашались высокопоставленные чиновники правительства, силовых ведомств, способные дать оценку происходящим событиям, прежде всего, с точки зрения государственных интересов.

Особо стоит отметить информационную активность бывшего первого заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника В. Манилова, еженедельно участвовавшего в пресс-конференциях Росинформцентра, а также командующего Северо-Кавказским военным округом, командующих Объединенной группировкой войск (сил), которые в отличие от руководителей прошлой чеченской кампании демонстрировали информационную открытость, не отказывали журналистам в интервью. Это способствовало тому, что официальную информацию о ходе операции журналисты регулярно получали из первых рук.

Оперативное реагирование Росинформцентра и других структур, ответственных за работу с прессой, на складывающуюся обстановку проявлялось в стремлении обращаться к наиболее важным событиям и фактам. В условиях активной деятельности информационного агентства «Чечен-пресс», отражавшего события с точки зрения боевиков, государственные и военные структуры, ответственные за информационную политику, стремились работать на опережение, постоянно отслеживать боевую и информационную обстановку, оперативно реагировать на дезинформацию.

Для Временного пресс-центра ОГВ(с) оперативность предполагала также решение транспортных проблем и обеспечение безопасности журналистов, которым нередко приходилось работать непосредственно в местах боевых действий.

Широкое использование для информирования российской и зарубежной общественности новых информационных технологий, в частности глобальной компьютерной сети Интернет. Первопроходцем здесь оказался Росинформцентр. Его сайт в глобальной сети открывался словами В. Путина: «На Северном Кавказе Россия борется с терроризмом не только в своих интересах, но и в интересах Европы». Сайт использовался прежде всего для информирования мировой общественности о задачах и ходе контртеррористической операции в Чеченской Республике и об обстановке на Северном Кавказе. Для подготовки сообщений использовалась информация, предоставляемая Временным пресс-центром ОГВ(с), пресс-службами Министерства обороны, внутренних войск МВД, Федеральной пограничной службы, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Железнодорожных войск.

Новым шагом в работе со СМИ по сравнению с первой чеченской кампанией стало активное использование оценочной лексики в трактовке событий контртеррористической операции. О результатах данного шага можно судить по лингвистическому анализу сообщений СМИ. Постепенно в их материалах исчезли такие слова и словосочетания, как «повстанцы», «чеченские ополченцы», «вооруженные жители Чечни», и, наоборот, прочно закрепились термины «боевики», «террористы», «бандиты», что позволяло более точно отражать реальные события и факты.

В целом проделанная работа позволила добиться изменения тональности в освещении зарубежными и российскими СМИ военно-политической обстановки на Северном Кавказе, практических усилий органов государственного и военного управления по нормализации жизнедеятельности в Чеченской Республике, участия военнослужащих в решении боевых задач. Значительное уменьшение острокритических выпадов в прессе и на телевидении по поводу новой чеченской кампании сыграло позитивную роль в формировании общественного сознания россиян, поддержавших шаги федеральной власти по борьбе с терроризмом.

Вместе с тем, на наш взгляд, **необходимо остановиться и на неиспользованных резервах**, которые были выявлены после анализа работы Временного пресс-центра ОГВ(с), изучения мнений аккредитованных журналистов.

Во-первых, Временный пресс-центр не всегда выполнял функции координирующего органа в Объединенной группировке войск (сил) по организации и руководству процессом информирования российской и зарубежной общественности. Он фактически не вмешивался в деятельность ответственных за работу со СМИ в группировках внутренних войск МВД, Железнодорожных войск, главной военной комендантуре и 42 мд, не стал инициатором проведения семинаров, инструктивно-методических занятий с информационным активом, что, конечно же, не могло не сказаться на эффективности работы со СМИ.

Во-вторых, организация работы с журналистами в ОГВ(с) не была поставлена на плановую и долгосрочную основу. В пресс-центре ограничивались лишь планом работы групп иностранных корреспондентов, которые, как правило, прибывали в республику один-два раза в месяц на два-три дня. В этом случае план требовал Росинформцентр. Он включал фиксацию почасового пребывания журналистов на тех или иных объектах и служил основанием для их размещения, организации питания и выделения транспорта. Вместе с тем при планировании боевых действий вопросы работы журналистов не учитывались.

Отсутствовал и анализ сделанного. Временный пресс-центр ограничивался лишь отправкой ежемесячного статистического отчета в адрес пресс-службы Министерства обороны. При необходимости некоторые итоги работы докладывались командованию группировки. Но постоянной аналитической работы, которая давала бы оценку сделанному, способствовала внесению корректив в содержание работы, помогала увидеть перспективы и неиспользованные резервы, не проводилось.

В-третьих, Временный пресс-центр ОГВ(с) не имел постоянной организационно-штатной структуры. Его численность в разные периоды составляла от двух до семи человек. Комплектование осуществлялось за счет прикомандирования сотрудников пресс-служб военных округов (флотов) и военных изданий на срок от одного до трех месяцев. Столь частая смена сотрудников не способствовала установлению традиций во взаимоотношениях с представителями СМИ, налаживанию долгосрочных деловых отношений со штабом группировки, закреплению и приращению опыта работы.

В-четвертых, Временный пресс-центр и аккредитованные журналисты работали под плотной опекой штаба ОГВ(с). Получение оперативной информации, ее полнота и качество, проведение информационных мероприятий напрямую зависели от воли руководства группировки. Многие уникальные факты боевых действий не стали объектом внимания журналистов только потому, что командование по

тем или иным причинам не считало нужным их обнародовать. Все это затрудняло получение нужных сведений, ограничивало инициативу пресс-центра, усложняло работу корреспондентов. Таким образом, правомерно утверждать, что отношения командования с пресс-центром нередко строились без учета специфики труда журналистов, их задач по освещению контртеррористической операции. Непонимание природы журналистского труда, незнание основополагающих нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность СМИ, нередко приводили к конфликтным ситуациям.

Лучше понять степень расхождения взглядов военных и журналистов на характер информационного обеспечения в условиях вооруженного конфликта позволяет опрос, проведенный автором в июне 2000 года среди сотрудников Временного пресс-центра ОГВ(с) и аккредитованных корреспондентов. В основу методики опроса была положена разработка ученых Российской академии государственной службы при Президенте РФ⁶. В качестве экспертов выступили 14 представителей Временного пресс-центра ОГВ(с), в разные периоды отвечавших за работу с прессой, и 32 журналиста информационных агентств, телевидения и газет, аккредитованных в ОГВ(с). Оценочные суждения экспертов оказались весьма противоречивыми.

Так, *качество информации*, предоставляемой журналистам Временным пресс-центром, его сотрудники солидарно оценили как «достаточное». В противовес такому единодушию 84 % аккредитованных корреспондентов эту информацию оценили как «недостаточную». По мнению военных, наиболее действенными *формами предоставления информации* являлись пресс-релизы и организованные выезды в войска. Корреспондентами информационных агентств и тележурналистами качество подготавливаемых пресс-релизов оценивалось как «низкое». Куда более результативными для них с точки зрения получения информации были пресс-конференции и интервью представителей командования, а также «неформальные контакты с военнослужащими». Только в оценке роли выездов в войска точки зрения сотрудников пресс-центра и журналистов в основном совпали. *Эффективность взаимодействия* пресс-центра группировки со СМИ работниками пресс-центра оценивалось как «средняя», а их роль в обеспечении деятельности журналистов как «весьма высокая». В то же время гражданские журналисты единодушно оценили взаимодействие как «низкое». По их признанию, в ряде случаев они сами договаривались о поездках в войска, встречах с участниками боев, причем делали это, опасаясь репрессивных действий со стороны пресс-центра.

Показательны предложения, высказанные аккредитованными корреспондентами *о путях повышения эффективности взаимодействия* пресс-центра и СМИ. По их мнению, необходимо «повысить оперативность в работе пресс-центра» (100 % экспертов), «разнообразить формы предоставляемой информации» (75 %), «улучшить профессиональную подготовку работников пресс-центра» (62 %). Интересно, что мнения ответственных за работу со СМИ сводились в основном к предоставлению им «большей самостоятельности в работе с журналистами» (80 %).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что **работа с представителями СМИ в период вооруженного конфликта должна рассматриваться как одно из важнейших направлений работы органов**

⁶ Оптимизация взаимодействия государственной службы со СМИ // Государственная служба России: диалог с обществом. М.: РАГС, 1998. С. 110—124.

военного управления; опираться на соответствующие штатные подразделения; проводиться с пониманием природы журналистского труда; строиться на прочной правовой базе.

Необходимость признания работы со СМИ одним из важнейших направлений деятельности органов военного управления сегодня очевидна. Министром обороны РФ утверждены Инструкция по организации работы с представителями средств массовой информации в Вооруженных Силах РФ, Положение об органах информационного обеспечения Вооруженных Сил РФ, а также организационно-штатная структура органов информационного обеспечения Вооруженных Сил РФ. В органах военного управления от Министерства обороны, видов ВС, военных округов (флотов) и до отдельной бригады включительно создаются штатные подразделения, назначаются соответствующие должностные лица, главная функция которых — поддержание связей со СМИ.

Следующим шагом, на наш взгляд, должно стать нормативное закрепление функций данных органов в наставлениях, регламентирующих, в частности, подготовку и ведение боевых действий. Стоит задуматься и о создании некоего уставного документа, в котором вопросы работы органов военного управления со СМИ были бы прописаны более детально. В нем могут найти отражение как общие положения (цели и задачи органов информационного обеспечения, их функции, основы работы пресс-центра, организация аккредитации, планирование), так и специфические (формы работы с представителями СМИ, ее особенности в различных условиях обстановки, в том числе в период вооруженного конфликта, обеспечение информационной безопасности в СМИ и др.).

Что касается **штатного подразделения**, то его структура уже сформировалась — это Временный пресс-центр — и даже приобрела соответствующее нормативно-правовое закрепление. Так, статья 9 Инструкции по организации работы с представителями средств массовой информации в Вооруженных Силах РФ предписывает создавать Временный пресс-центр при проведении учений и тренировок, проверок боевой и мобилизационной готовности войск (сил), отработке боевых и других задач. Такой пресс-центр будет координировать взаимодействие органа военного управления, ответственного за проведение мероприятия (выполнение задачи), и представителей СМИ.

Конечно, многое в работе Временного пресс-центра будет зависеть от его руководителя. Можно считать большой удачей, если начальником станет человек, профессионально пригодный для данного вида деятельности. Критерии профессионализма здесь очевидны: коммуникабельность, открытость, умение организовать оперативное информирование корреспондентов, способность избегать конфликтов с представителями СМИ и командованием. Офицер, обладающий такими качествами, станет надежным помощником как командующего (командира) в работе с журналистами, так и журналистов в реализации их прав на поиск, получение и распространение информации.

Понимание природы журналистского труда и уважение к нему основано на понимании того, что главным для корреспондента является получение и донесение социально значимой информации до возможно большего количества ее потребителей. Человек этой профессии всегда спешит — новый день требует свежих новостей. Чаще всего главного редактора не интересует, как добывается информация, за которую корреспондент получает заработную плату. И в погоне за новостью журналист идет на всевозможные

ухищрения: ищет, договаривается, требует, покупает. Поэтому даже в боевых условиях целесообразно организовывать пресс-конференции, брифинги, интервью, посещения воинских частей и иные мероприятия, предназначенные для журналистов.

Чрезвычайно щекотливый вопрос — контроль за работой журналистов. Отчасти проблему могут снять документы, четко регламентирующие работу представителей СМИ в районе вооруженного конфликта, недвусмысленно определяющие правила аккредитации, порядок организации персональных встреч с представителями командования и др. Тотальный контроль за передачей информации из района боевых действий, на наш взгляд, мера абсолютно архаичная в связи с использованием современных технических средств (мобильная и Интернет-связь, портативные компьютеры). Гораздо эффективнее, чтобы корреспонденты понимали необходимость строгого соблюдения определенных правил и неких моральных принципов, лежащих в основе освещения действий войск (сил). Их выработка должна быть инициирована военным ведомством, но поддерживаться и внедряться в жизнь они должны журналистским сообществом. Суть этих принципов состоит в добровольном ограничении на распространение информации определенного рода, связанной, к примеру, с оперативными планами командования, привлечением к боевым действиям конкретных воинских частей и подразделений, гибелью людей и т. д.

Необходимость организации работы с журналистами с опорой на прочную правовую базу обуславливается тем, что Конституция РФ и другие российские законодательные акты предоставляют журналистам достаточно широкие права в области получения и распространения информации. В Законе РФ «О средствах массовой информации» закреплено право журналиста «посещать государственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы; быть принятым должностными лицами в связи с запросом информации; получать доступ к документам и материалам, за исключением их фрагментов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну; посещать специально охраняемые места стихийных бедствий, аварий и катастроф, массовых беспорядков и массовых скоплений граждан, а также местности, в которых объявлено чрезвычайное положение» (ст. 47). Государство, в свою очередь, гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг (ст. 49).

Вместе с тем законодательство обязывает журналистов проверять достоверность сообщаемой информации; при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки; предъявлять при осуществлении профессиональной деятельности редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий личность и полномочия журналиста (ст. 49). Закон запрещает журналисту использовать свои права в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, а также для распространения информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан.

Кроме Конституции РФ и Закона «О средствах массовой информации» к правовому регулированию деятельности СМИ имеет отношение и ряд международных нормативно-правовых актов, а также постановления и распоряжения Правительства РФ. Военным руководи-

лям необходимо знать содержание основных документов и руководствоваться ими в своей деятельности. Это поможет избежать ошибок при выстраивании отношений с представителями СМИ, разработке правил аккредитации и других документов.

К сожалению, изучение данной проблематики, равно как и тонкостей взаимоотношений со СМИ, в наших военно-учебных заведениях командного профиля не предусмотрено. Исключение составляет лишь Военная академия Генерального штаба ВС РФ, руководство которой, сознавая, насколько важна роль СМИ в современном мире в целом и в условиях вооруженного конфликта в особенности, включило соответствующее занятие в учебную программу. Для сравнения: все генералы высшего состава немецких вооруженных сил обязаны пройти курс общения с прессой в Академии информации и коммуникации. На таких курсах среди прочего их обучают и умению правильно держаться перед телекамерой, находить слова в самой непростой ситуации. У нас острота вопроса отчасти могло бы снять издание под патронажем Управления информации и общественных связей Министерства обороны РФ методических рекомендаций органам военного управления по эффективному использованию различных форм взаимодействия со средствами массовой информации, вплоть до рекомендаций должностным лицам, как вести себя с журналистами, как давать интервью, держаться перед радиомикрофоном и телекамерой.

В заключение хотелось бы отметить, что работа со СМИ — это активно развивающееся направление работы органов военного управления. Ни один из ежегодных докладов министра обороны РФ по итогам уходящего года на сборах руководящего состава Вооруженных Сил не обходится без анализа усилий органов военного управления в данной области. Как победные реляции звучат слова о росте числа мероприятий с участием журналистов, расширении тематики выступлений должностных лиц в СМИ, энергичной работе пресс-служб и помощников командующих (командиров) по информационному обеспечению. Столь высокая оценка должна настраивать органы военного управления на поиск эффективных форм работы со СМИ в различных условиях обстановки.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Системный анализ: рекомендации по выделению, изучению, определению типа и формулированию проблемы

Полковник в отставке Ф.Г. КОЛОМОЕЦ,
кандидат военных наук

В ПРЕДЫДУЩЕЙ публикации¹ были рассмотрены методологический и содержательный аспекты современного системного анализа, в том числе его основные направления и этапы, показана роль и значимость системно-аналитических процедур в методическом арсенале военных исследователей и практиков. Также подчеркнута наличие в системном анализе сложных неформальных этапов (прежде всего начальных), не поддающихся формализации и строгой алгоритмизации, что предопределяет необходимость гибкого сочетания при их выполнении науки и искусства, логических, эвристических и логико-эвристических методов. Вместе с тем *начальные этапы очень важны*: если они выполнены некорректно, то не будет найдено эффективное решение проблемы. Отсюда постоянное внимание специалистов к разработке и совершенствованию рекомендаций по выполнению неформальных этапов системно-аналитических процедур. Настоящая статья посвящена изложению рекомендаций по выполнению **первого этапа системного анализа** — выделению, изучению, определению типа и формулированию проблемы.

Для выполнения первого этапа особую значимость имеют положения системологии о классификации систем и принципах усложняющегося их поведения. Они относятся к числу методологических, поэтому будут рассмотрены в первую очередь.

Классификация систем затруднена тем, что системность является атрибутом действительности, которая представляет собой гигантскую суперсистему и включает большое множество объектов-систем в самых разнообразных формах и проявлениях, находящихся в движении, в самых различных связях и отношениях друг с другом, обладающих множеством свойств. Это обусловило наличие нескольких подходов к классификации систем, которые обобщены по результатам анализа многих источников в одной из работ автора².

В самом общем плане выделяют **материальные и абстрактные** системы. Среди всех типологий в настоящее время наиболее широкое признание получила *предметная и категориальная* классификация систем.

При **предметной классификации** выделяются конкретные, относящиеся к различным фрагментам реальности виды систем, например, социальные, экономические, биологические, физические, химические, концептуальные, технические, космические, военные и др.

В **категориальной классификации** системы разделяются по различным общим основаниям (признакам, категориям), которые присущи всем или подавляющему большинству систем независимо от принад-

¹ Военная Мысль. 2006. № 4. С. 63—70.

² Коломоец Ф.Г. Основы системного анализа и теории принятия решений: Пособие для научных работников, учащихся вузов и практиков. Минск: Тесей, 2005.

лежности к тому или иному фрагменту действительности. При этом чаще всего выделяются следующие **основные типы систем**:

1. По степени сложности структуры, выполняемых функций и пространственных свойств системы могут быть **простыми, сложными и большими**. Простые системы не имеют разветвленной структуры, выполняют простейшие функции. Для них характерны предсказуемое поведение, свойства и реакции на внешние воздействия. Сложные системы имеют сложную иерархическую структуру, выполняют сложные функции. Поведение сложных систем слабо предсказуемо. Но самым главным, определяющим свойством, отличающим их от простых систем, является наличие управления, способности принимать решения. В сложной системе обычно выделяют четыре основные функциональные подсистемы:

информационную, обеспечивающую сбор, переработку и передачу информации, необходимой для принятия глобального (общего для системы) решения, и выполнения локальных заданий;

управляющую, которая принимает глобальное решение о способах действий системы по достижению поставленной цели с учетом состояния системы и внешней среды, определяет и распределяет локальные задания всем другим компонентам системы, распределяет имеющиеся ресурсы, реализует глобальное решение;

гомеостазисную (от греч. ομοιος — подобный, одинаковый и στασις — состояние), поддерживающую динамическое равновесие внутренней среды, а также существенно важные для сохранения системы параметры в допустимых пределах, регулирующие потоки информации и ресурсы энергии и вещества в подсистемах, необходимые им для выполнения локальных заданий (осуществляет функцию самостабилизации);

адаптивную (от ср. век. лат. adaptatio — приспособление), накапливающую опыт в процессе функционирования для улучшения структуры и функций системы.

Большая система — это такая система, которая не наблюдается одновременно с позиций одного наблюдателя во времени или в пространстве. Для нее существенен пространственный фактор, число подсистем очень велико, а состав разнороден. Большие системы являются подклассом сложных систем.

2. По происхождению системы подразделяются на **естественные, искусственные и смешанные** системы.

3. По наличию обмена (веществом, энергией, информацией) между системой и внешней средой системы делятся на **закрытые и открытые**. У закрытых систем такой обмен отсутствует, а у открытых — имеется.

4. По характеру связей и отношений между компонентами внутри самой системы и с внешней средой системы делятся на **детерминированные, вероятностные** (стохастические) и **неопределенные** системы. Для детерминированных систем связи и отношения, а также поведение, определяющееся этими связями и отношениями, могут быть корректно отражены формальными зависимостями, для вероятностных — стохастическими и статистическими методами. Для неопределенных систем формальное описание связей, отношений и поведения затруднено или невозможно, их исследование наиболее сложно.

5. Система, состояние которой (совокупность ее существенных свойств в рассматриваемый момент времени) изменяется во времени, называется **динамической**, в противном случае — **статической**.

6. По характеру действий при достижении целей выделяют **целенаправленные** и **целестремленные** системы. Целенаправленные системы предназначены для достижения определенной цели, действуя по опре-

деленной программе в заданном диапазоне своей структуры и условий внешней среды. Они мало адаптивны или вообще не адаптивны к изменению условий. Целеустремленные системы обладают большими возможностями по адаптации к условиям внешней среды, они стремятся достичь поставленных целей (боевые системы, например, во что бы то ни стало), могут для этого изменять в значительных пределах структуру и функции, не останавливаются в противоборстве или конкуренции перед потерями.

7. По роли людей в функционировании систем выделяются **автоматические, человеко-машинные** и **организационные** или **организационно-технические** системы. К автоматическим относятся такие системы, которые функционируют в соответствии с заложенной в них программой в заданном диапазоне изменения условий. Для человеко-машинных систем характерна тесная операционная связь людей с действиями определенного устройства. Организационно-технические системы представляют собой сложные системы, в которых решающая роль принадлежит коллективам людей, использующим различные технические устройства и комплексы для достижения определенных целей.

8. Управляться системы могут различным образом. В связи с этим по способу управления выделяют системы **управляемые извне, самоуправляемые** и **с комбинированным управлением**.

9. По способности к саморазвитию различают **самоорганизующиеся** и **не самоорганизующиеся** системы. Основным источником развития самоорганизующихся систем является совместное действие их внутренних факторов, а не самоорганизующиеся подобным свойством не обладают. Закономерности и механизмы самоорганизации и порождообразования сложных систем изучаются **синергетикой**.

Воинские формирования, группировки вооруженных сил, как правило, являются сложными, искусственными, открытыми, неопределенными (сочетание детерминированных, стохастических и неопределенных связей и отношений при ведущей роли неопределенных), динамическими, целеустремленными, организационно-техническими боевыми системами с комбинированным управлением. Из этого следует, что они относятся к одному из самых сложных видов организационно-технических систем.

В системологии эмпирически установлены **пять принципов усложняющегося поведения систем**³:

принцип вещественно-энергетического баланса (вытекает из законов сохранения вещества и энергии). Он характерен для любых по сложности систем. Для простейших систем является основным;

принцип гомеостазиса. Согласно ему система имеет возможность возвращаться в состояние устойчивого равновесия при выведении из него каким-либо внешним воздействием. Гомеостатическое поведение обусловлено наличием в системе отрицательной обратной связи. Системы, для поведения которых этот принцип является основным, называются гомеостатическими или системами регулирования, в том числе автоматического. Управление в них сводится к регулированию;

принцип выбора решений. Означает, что сложная система организует свое поведение на основе рационального выбора из множества альтернатив путем непосредственного наблюдения за ситуацией (принятие решений без предвидения дальнейшего развития обстановки). Системы, для которых этот принцип является ведущим, реализуют так называемое индуктивное поведение, т. е. основывающееся только на непосредствен-

³ Надежность и эффективность в технике. М.: Машиностроение, 1988. Т. 3.

ном опыте и наблюдении сложившейся ситуации. Такие системы имеют ограниченный объем памяти и называются решающими;

принцип перспективной активности, согласно которому система организует свое поведение на основе предшествующего опыта и в предположении, что последующие ситуации будут несущественно отличаться от предшествующих. Это позволяет ей на основе ретроспективного анализа исходов своих взаимодействий с окружающей средой заблаговременно принимать решения, определяющие ее поведение в будущем. Системы, в поведении которых принцип перспективной активности является ведущим, имеют достаточно емкую память и называются предвидящими;

принцип рефлексии (от лат. reflexio — обращение назад, т. е. размышление, самонаблюдение, самопознание; осмысление человеком собственных действий и их законов⁴), в соответствии с которым система может принимать решения и организовывать свое поведение с учетом возможного мысленного представления о способах ее действий органа управления другой сложной системы, находящейся с первой системой в определенных отношениях, например, в состоянии конкуренции или противоборства. В этом случае под рефлексией понимается отражение мыслительного процесса органа управления другой системы. Лицо, принимающее решение (ЛПР), первой системы может демонстрировать ЛПР второй системы ложные намерения и таким образом стимулировать его на принятие решений, выгодных для своей стороны. Если это удастся, то ЛПР первой системы осуществляет рефлексивное управление второй системой. В таком случае ЛПР первой системы находится в первом ранге рефлексии, а конкурент — в нулевом. Если же конкурент также находится в первом ранге рефлексии, то рефлексивное управление существенно затрудняется. Но ЛПР первой системы может перейти во второй ранг рефлексии — анализировать ход мысли конкурента о процессе своего мышления — и добиться рефлексивного управления, конечно, если так же не поступит конкурент. Системы, организующие свое поведение на основе принципа рефлексии, должны обладать значительным интеллектом, довольно сложны и называются проницательными или рефлексивными.

Принципы приведены в порядке усложнения поведения систем. При этом если поведение системы соответствует более сложному принципу, то оно соответствует и всем менее сложным принципам.

Принципы усложняющегося поведения служат основой изучения сложных систем: после установления вида системы дальнейшее исследование необходимо начинать с установления ведущего принципа, на котором основывается ее поведение. Это важно, так как **ведущий принцип определяет общие подходы к исследованию системы**. С точки зрения системологии боевые системы являются классическими рефлексивными системами, достигающими своих целей — выполнение поставленных оперативных (боевых) задач в процессе антагонистического вооруженного противоборства с боевыми системами противника. Следовательно, в теории и практике подготовки и ведения операций (боевых действий), управления боевыми системами необходимо учитывать принцип рефлексии.

Рассмотренные выше положения системологии определяют общий подход, существенно важные для исследователей ориентиры. **Конкретные рекомендации по выполнению первого этапа системного анализа** заключаются в следующем.

⁴ Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: ООО «Издательство АСТ»; Минск: Харвест, 2002. С. 700.

Исследователю сначала необходимо **выделить, идентифицировать проблему**. Это сделать непросто, так как проблема является отражением проблемной ситуации в целом. Как правило, в конкретной ситуации главная проблема сразу не видна, прямо или косвенно связана с другими. Поэтому к любой реальной проблеме следует относиться не как к отдельной, изолированной, а как к комплексу, «клубку» взаимосвязанных и взаимозависимых проблем — проблематике. Нужно составить полный перечень основных проблем и выявить, решение какой из них приводит к разрешению ситуации, т. е. установить главную из них. Затем сформулировать ее.

Первоначальная **формулировка проблемы** носит целевой характер и является упрощенной, приблизительной. Поэтому возникает потребность в глубоком и детальном **изучении проблемы**, проверке адекватности первоначальной формулировки, в ее уточнении⁵.

Прежде всего необходимо уяснить цели, проблемы и способы действий надсистемы, в которую входит в качестве подсистемы исследуемая проблемосодержащая система. Это очень важно, так как цели функционирования анализируемой системы определяются надсистемой, подчинены достижению ее целей. Аналогичное изучение необходимо и для «окружения» проблемосодержащей системы: систем различных рангов с их проблематикой, образующих внешнюю среду и существенно влияющих на решение проблем исследуемой системой. При изучении проблемы следует учитывать видение проблемы и отношение к ней заинтересованных в ее решении лиц.

Важным подспорьем в изучении сложных проблем являются наработки по их классификации. **Классификация проблем осуществляется по различным основаниям**. К наиболее значимым и характерным относятся следующие.

Возможность использования для описания и моделирования математических методов и точных алгоритмов. По этому основанию проблемы делятся на *хорошо структурированные* (описываемые математическими методами), *слабоструктурированные* и *неструктурированные* (не полностью и вообще не описываемые математическими методами). Системный анализ предназначен для обоснования решений по слабоструктурированным и неструктурированным проблемам. Проблемы этих типов являются многокритериальными и доминирующими в военной проблематике.

Количество людей, которые заинтересованы в решении проблемы или интересы которых затрагивает ее решение. По данному основанию выделяются *индивидуальные* и *коллективные* проблемы (проблемы организационно-технических, в том числе боевых систем).

Учет первых двух оснований позволяет определить виды моделей, которые используются при моделировании проблемных ситуаций, задач принятия решений и процесса обоснования решения в целом для различных типов проблем (см. табл.).

Тип проблемы	Модель проблемной ситуации	Модель задачи принятия решения	Модель обоснования решения
Слабоструктурированная	Объективная	Субъективно - обьективированная	Субъективно - обьективная
Неструктурированная коллективная (организации)	Субъективно - обьективированная	Субъективно - обьективированная	Субъективно - обьективированная
Неструктурированная индивидуальная	Субъективно - обьективированная	Субъективная	Субъективная

⁵ Коломоец Ф.Г. Основы системного анализа и теории принятия решений.

Виды моделей, используемых в процессах обоснования решений

Для слабоструктуризованной проблемы характерна объективная модель проблемной ситуации (она позволяет определять векторные количественные показатели привлекательности альтернатив), субъективно-объективированная модель принятия решения (ЛПР принимает решение на основе своей субъективной системы предпочтений, но с учетом количественных векторных показателей привлекательности альтернатив) и обусловленная ими субъективно-объективная модель обоснования решения.

Для неструктуризованных проблем организационно-технических систем характерны субъективно-объективированные модели, которые создаются специалистами на основе их субъективных знаний и предпочтений, но обязательно с опорой на объективные закономерности исследуемой реальности, т. е. субъективные знания, предпочтения и модели в целом объективируются.

Для неструктуризованных индивидуальных проблем характерны субъективно-объективированные модели проблемных ситуаций (ЛПР учитывает существующую реальность) и субъективные модели задач принятия решений и модели обоснования решений в целом (ЛПР может дать волю своим предпочтениям).

Масштабность проблемы. В общем случае выделяются глобальные, международные, региональные и более низкие по рангу проблемы. В военной сфере чаще всего выделяются проблемы стратегического, оперативного, тактического и промежуточных уровней.

Принадлежность проблемы к определенной области человеческой деятельности. В самом общем случае выделяют внутринаучные и внешне-научные (практические) проблемы. По принадлежности к определенной конкретной области предметно-практической или духовной человеческой деятельности различают: экономические, политические, идеологические, научные, технические, экологические, философские, медицинские, военные, методологические, финансовые и др. Однако проблемы в «чистом» виде встречаются редко. Подавляющее большинство проблем из различных сфер деятельности тесно переплетены друг с другом, являются взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Важность и актуальность проблемы. По данному основанию проблемы разделяются по степени важности. Актуальной является проблема, которая важна в настоящее время и требует своего разрешения.

Требуемая периодичность решения. Здесь могут рассматриваться разовые и периодически (регулярно) повторяющиеся проблемы. К последним относятся многие управленческие проблемы.

Проявление фактора времени в решаемой проблеме. По этому основанию проблемы условно разделяются на динамические и статические. К динамическим проблемам относятся такие проблемы, параметры которых изменяются с течением времени. При обосновании решений по сложным проблемам важна не абсолютная, а относительная их динамичность — относительно продолжительности цикла принятия решения, включающего период наблюдения и период обоснования решения. Процедуры системного анализа применяются для таких проблем, параметры которых за время наблюдения и обоснования решения не изменяются или изменяются незначительно. Поэтому можно считать, что при обосновании решений по сложным проблемам во временных рамках одного цикла анализа ЛПР имеет дело со статическими проблемами, т. е. осуществляется дискретная подготовка и обоснование решений. Динамизм разовых проблем учитывается при моделировании ее конкретного состояния в конкретный период времени. Дина-

мичность управленческих проблем учитывается непрерывным наблюдением за поведением системы под влиянием управленческих воздействий и периодическим уточнением решений и планов.

Решаемость проблемы. По признаку решаемости выделяются принципиально не решаемые, не решаемые в настоящее время, не решаемые с приемлемыми затратами ресурсов, решаемые частично, решаемые полностью и другие проблемы. Правильно определить тип проблемы по этому основанию важно, так как можно затратить впустую много ресурсов на не решаемую или трудно решаемую проблему. Известный специалист по системному анализу и исследованию операций Р. Акофф рекомендовал следующие способы обращения с проблемами в зависимости от их решаемости: не решать трудно решаемую проблему, игнорировать ее, надеясь, что она со временем исчезнет, естественно, принимая меры по смягчению последствий существования проблемы; решать проблему частично, как правило, осуществив декомпозицию ее на частные проблемы и решая наиболее значимые из них, таким образом, смягчая ее последствия; решать проблему полностью, если это возможно с приемлемыми затратами интеллектуальных, материальных, финансовых ресурсов и времени; устранить трудно решаемую или не решаемую проблему, «растворить» ее, переделав систему, в которой она существует, или внешнюю среду.

Сочетания рассмотренных выше оснований классификации дают множество возможных типов проблем. Конечно, основания неравнозначны. Наиболее важным из них является первое основание: оно во многом определяет сложность решаемой проблемы и применяемые методы оптимизации. Для обоснования решений по хорошо структурированным проблемам, являющимся, как правило, однокритериальными, используются многочисленные и достаточно проработанные методы исследования операций, а по слабоструктурированным и неструктурированным — гораздо более сложные методы теории принятия решений при многих критериях. Естественным выглядит стремление сводить слабоструктурированные многокритериальные проблемы к однокритериальным (например, методами главного или обобщенного показателя), что позволяет применять методы исследования операций и использовать количественные показатели. Однако здесь надо быть очень внимательным, так как при недостаточно корректном сведении полученное решение может оказаться не только не оптимальным, но даже мало эффективным со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть чрезвычайную важность правильного выделения, определения типа и формулирования проблемы, по которой будет обосновываться решение, поскольку от этого зависят результаты всех последующих этапов системного анализа.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Исторический опыт создания и развития системы боевой подготовки Ракетных войск стратегического назначения в 1959–1965 годах

Капитан Д.С. МИРГОРОДСКИЙ

БОЕВАЯ подготовка Вооруженных Сил является одним из факторов обеспечения боеспособности и боеготовности войск. Ее совершенствование находится в неразрывной связи с эволюцией технической оснащенности, изменением организационно-штатной структуры войск, развитием взглядов на теорию и практику подготовки и ведения боевых действий. Так, например, в эпоху холодного оружия основной упор в подготовке воинов делался на их физическую выносливость, искусное владение как ударным, так и метательным оружием, умение вести бой в сосредоточенных боевых порядках. Появление огнестрельного оружия привело к значительным изменениям в обучении. На первое место ставилось умение вести прицельный огонь, быстро заряжать оружие, слаженно действовать в строю. Значительно возросли требования к объему знаний, навыков и умений военнослужащих с появлением современных средств борьбы. Для реализации достижений современной военной науки необходимо иметь высококвалифицированные военные кадры, слаженные подразделения, на достижение чего и направлены боевая и оперативная подготовка.

Для Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) вопросы подбора и обучения личного состава, профессиональной подготовленности всех категорий военнослужащих всегда являлись одними из первоочередных. В связи с этим особую ценность приобретает исторический опыт создания и развития системы боевой подготовки РВСН, особенно на начальном этапе их становления в период 1959–1965 годов.

В разработку основ обучения воинов-ракетчиков неоценимый вклад внесли генералы и офицеры бригад особого назначения Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК).

История боевой подготовки соединений ракет дальнего действия берет свое начало с момента образования в 1946 году на территории Германии первой бригады особого назначения РВГК (командир бригады генерал-майор артиллерии А.Ф. Тверецкий). Впоследствии это соединение стало базой для развертывания следующих бригад особого назначения.

В период с 1946 по 1959 год личный состав первых ракетных бригад (всего их было сформировано семь) внес значительный вклад в становление системы обучения и воспитания личного состава, определение наиболее подходящих форм и методов обучения. Первым руководящим документом, регламентирующим процесс обучения, явилась утвержденная 4 марта 1949 года *Программа боевой подготовки бригады особого назначения РВГК*, по которой в основу учебных планов отдельных предметов обучения легли положения из Про-

граммы боевой подготовки Сухопутных войск. Так, военная топография, арттопослужба, радиотехническая и автотракторная подготовки были переработаны по программе обучения реактивной артиллерии, а в основу инженерно-саперной подготовки легли положения из программы боевой подготовки инженерных войск. Программа пожарной подготовки была составлена по программе боевой подготовки рядового и сержантского состава пожарной охраны Вооруженных Сил, а программа для караульного батальона — по программе боевой подготовки отдельных местных стрелковых частей (караульных) Московского военного округа. В учебные программы остальных дисциплин (как общевоенных, так и специальных) были внесены исправления и дополнения по программе боевой подготовки реактивной артиллерии.

Однако эксплуатация нового ракетного оружия имела много специфических особенностей, что требовало новых, более строгих подходов к его освоению и работе на нем. Технология подготовки к боевому применению сложных и взрывоопасных ракет предусматривала исключительно высокую квалификацию ракетчиков и строго согласованные по времени и последовательности действия боевых расчетов и подразделений. Для качественного освоения ракетного оружия, эффективного использования его боевых возможностей ракетчикам требовались глубокие знания в таких областях науки и техники, как электротехника, механика, теплотехника, гидравлика, оптика. Принципиально новыми были и основы боевого применения этого оружия: соединения, имевшие на своем вооружении ракеты с ядерным зарядом, в оперативное подчинение фронтам не передавались, так как становились средством Верховного Главнокомандования; боевое применение (пуски ракет) производилось только по распоряжению Верховного Главнокомандования; управление — централизованное; базирование соединений и частей — стационарное.

Эти положения были изложены в разработанном в 1959 году *Наставлении по боевому применению инженерных бригад РВГК, вооруженных ракетами Р-12*.

Значительные трудности в организации обучения личного состава по ракетным специальностям возникли и в связи с тем, что Ракетные войска стратегического назначения комплектовались военнослужащими других видов Вооруженных Сил и родов войск, не знакомыми с ракетной техникой, кроме того, отсутствовала необходимая учебно-материальная базы. Тем не менее за сравнительно короткое время была выработана и внедрена *новая форма практических занятий* — комплексные занятия с запуском двигательных установок на предварительную ступень с последующим выключением двигателей. Первоначально такие занятия проводились на полигоне Капустин Яр, а в последующем — и в пунктах постоянной дислокации ракетных бригад.

Учебно-боевые пуски стали наиболее эффективной формой практического обучения личного состава, способом объективного контроля степени его технической подготовки, моральной и психологической готовности к выполнению боевой задачи. Для проведения учебно-боевых пусков части выезжали на полигон Капустин Яр. К 1958 году личный состав инженерных бригад РВГК провел более 150 учебно-боевых пусков ракет¹.

Опыт обучения личного состава первых инженерных бригад РВГК позволил разработать основополагающие документы по организации

¹ Ракетные войска стратегического назначения: Военно-исторический труд/ Под общ. ред. Ю.П. Максимова М.: ЦИПК РВСН, 1992. С. 98.

боевой подготовки. В 1954–1955 годах была разработана и издана единая *Программа боевой подготовки солдат и подразделений инженерных бригад РВГК*, в которой содержались организационно-методические указания по организации и проведению занятий, тематика и расчет часов по предметам обучения, программы тактической и общевойсковой подготовки, программы подготовки специалистов подразделений обслуживания (геодезистов, метеорологов, химиков и др.). В конце 1955 года, учитывая опыт первых инженерных бригад, издаются *Курс стрельб*, а в 1956-м — *Правила стрельбы дальноточными ракетами*. Наряду с этим для руководства боевой подготовкой начиная с 1952 года издавались *Организационные указания по боевой подготовке реактивных частей и учреждений на учебный год* как приложение к приказу Министра обороны СССР по боевой подготовке.

Инженерные бригады РВГК явились основной базой создания Ракетных войск стратегического назначения, сыграли важнейшую роль в создании системы их боевой подготовки. 17 декабря 1959 года на базе инженерных бригад Резерва Верховного Главнокомандования и других ракетных частей создается новый вид Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). Главнокомандующим РВСН — заместителем министра обороны был назначен главный маршал артиллерии М.И. Неделин. В состав РВСН вошли инженерные полки и бригады РВГК, вооруженные межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) и ракетами средней дальности (РСД). Всего было создано: одно соединение МБР (командир полковник М.Г. Григорьев) и более 20 ракетных полков РСД². К этому моменту на вооружение Советской Армии были приняты ракетные комплексы Р-1, Р-2, Р-5, Р-5М, Р-7, Р-11, Р-11М, Р-12³.

На начальном этапе руководящему составу Ракетных войск пришлось столкнуться с рядом трудностей в организации боевой подготовки*. Выросли требования к объему необходимых знаний специалистов, эксплуатирующих ракетную технику, что было связано с многообразием типов ракетных комплексов. Проблема усугублялась тем, что комплектование РВСН помимо личного состава из ранее созданных частей, имевших на вооружении ракеты оперативно-тактического назначения, осуществлялось офицерами из других видов Вооруженных Сил и родов войск, окончившими различные учебные заведения Министерства обороны, и выпускниками гражданских учебных заведений различных профилей и специальностей. В таблице показано количество личного состава, прибывшего для комплектования РВСН.

Наименование категорий личного состава	Прибывшие из Сухопутных войск, чел.	Прибывшие из ВВС, чел.	Прибывшие из ВМФ, чел.
Офицеры	2197	1042	580
Сержанты призыва 1959 и 1960 гг.	581	149	—
Солдаты (матросы) призыва 1959 и 1960 гг.	3036	1310	200

² Хроника основных событий истории Оренбургской ракетной армии / Под общ. ред. А.С. Борзенкова Оренбург: Печатный дом «ДИМУР», 1997. С. 5.

³ Сухина Г.А., Ивкин В.И., Резник А.В. Стратегические ракетчики России. М.: «Голос-пресс», 2004. С. 29.

* Термин «организация боевой подготовки» здесь следует рассматривать в двух аспектах: организация как структура, система боевой подготовки и организация в смысле налаживания, упорядочения процесса боевой подготовки.

Комплектование РВСН из других видов ВС

Данные таблицы свидетельствуют о том, что среди всех видов Вооруженных Сил и родов войск Сухопутные войска стали основным источником комплектования Ракетных войск стратегического назначения как офицерским, так и рядовым составом. Подавляющее большинство являлись артиллеристами, высокая подготовка которых, сочетающаяся в себе прекрасное знание материальной части артиллерии, правил стрельбы и систематическое проведение артиллерийских стрелковых тренажей, наиболее близка по своему содержанию боевой подготовке личного состава Ракетных войск.

Для обучения прибывших офицеров была создана широкая сеть краткосрочных курсов. Основными центрами по подготовке кадров для РВСН в это время были: факультет ракетного вооружения Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского, Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище, Камышинское артиллерийское техническое училище, Рижское училище береговой артиллерии, Харьковское высшее авиационное инженерное военное училище, Серпуховское, Вольское и Пермское военные авиационно-технические училища, Хабаровское артиллерийское училище и Киевское Краснознаменное танковое училище им. М.В. Фрунзе. Для подготовки специалистов связи для РВСН в 1962 году на базе Ставропольского суворовского училища было сформировано Ставропольское военное училище связи. Созданная в 1959–1965 годах сеть военно-учебных заведений полностью обеспечила в дальнейшем комплектование Ракетных войск стратегического назначения высококвалифицированными командными кадрами.

Значительно усложняло процесс обучения личного состава практически полное отсутствие необходимой учебно-материальной базы, нехватка наглядных учебных пособий (действующих схем, макетов, приборов), классов, оборудованных для проведения специальных занятий, учебных тренажеров. Отрицательно влияло на обучение и то, что большое количество личного состава направлялось на различные хозяйственные и строительно-монтажные работы в связи с развернутым строительством боевых стартовых позиций. Отсутствие на первых порах необходимого количества жилого, служебного, казарменного фонда не могло не отразиться на морально-психологическом состоянии военнослужащих и членов их семей, что снижало эффективность занятий по боевой подготовке.

Для решения возникших задач и создания необходимой системы боевой подготовки специалистов-ракетчиков в январе 1960 года был создан аппарат заместителя Главнокомандующего РВСН по боевой подготовке и вузам.

В 1960 году на основе опыта несения боевого дежурства в первых ракетных соединениях Главным штабом Ракетных войск разрабатывается и вводится в действие один из первых нормативных документов по боевой готовности — *Положение о боевом дежурстве частей и подразделений Ракетных войск*. Оно сыграло важную роль в организации боевого дежурства, особенно в рассматриваемый период. В нем определялись система подготовки и допуска личного состава подразделений к боевому дежурству, правила его несения на командных пунктах и боевых стартовых позициях, порядок действий подразделений и частей с объявлением боевой тревоги и переводом их в высшие степени боевой готовности. На первый план в боевой подготовке (с поступлением на вооружение в январе 1960 года ракеты Р-12) выдвигались задачи получения допуска стартовых батарей к самостоятельной

работе на ракетной технике, а по завершении строительства боевых стартовых позиций — подготовка к заступлению на боевое дежурство.

Отличительными чертами стратегического ракетного оружия являются его наукоемкость и сложность эксплуатации. Наряду с этим ракетные комплексы — это групповое оружие, и от своевременных, безошибочных действий каждого номера боевого расчета зависит успешное выполнение боевой задачи. Все это предъявляло определенные требования к системе боевой подготовки РВСН. Основные из них, — это индивидуальная подготовка каждого номера боевого расчета, которая определяется огромным объемом и высоким уровнем личных знаний, навыков, умений, и слаженные, отработанные до автоматизма (но не шаблонные) действия всего расчета в целом, обеспечение взаимозаменяемости.

Для выполнения этих требований на этапе создания и становления Ракетных войск боевая подготовка организовывалась по следующим направлениям: индивидуальная подготовка личного состава; подготовка органов управления (штабов); командирская подготовка; слаживание подразделений и частей в ходе комплексных занятий; проведение учебно-боевых пусков, учений; подготовка к заступлению на боевое дежурство; подготовка частей в условиях несения боевого дежурства.

В 1961 году наряду с подготовкой частей в учебных центрах полигонов началось обучение личного состава частей непосредственно в местах постоянной дислокации. К этому времени управления объединений и соединений были уже полностью укомплектованы и могли руководить боевой подготовкой частей. На базе частей, имевших штатную технику и прошедших обучение на полигонах, организовывалась подготовка боевых расчетов полков, не имевших еще своей штатной техники. Практические навыки в эксплуатации ракетной техники личный состав закреплял, участвуя в монтажных и пуско-наладочных работах, автономных и комплексных испытаниях на строящихся боевых стартовых позициях.

Для подготовки сержантов и солдат-специалистов в Ракетные войска из других видов Вооруженных Сил был передан ряд учебных частей и школ, которые были реорганизованы для подготовки специалистов по ракетной технике и другим специальностям, обеспечивающим боевое дежурство. Отдельные специалисты (энергетики, сантехники, теплотехники, машинисты тепловозов) из-за отсутствия специальных школ и учебных подразделений обучались на предприятиях народного хозяйства.

Подготовка и ввод в строй молодого пополнения делилась на **три периода**. П е р в ы й отводился на обучение в карантине, в т о р о й — на первоначальную общевойсковую подготовку, изучение ракетной техники и первоначальное обучение навыкам работы на ракетной технике. В т р е т ь е м периоде солдаты практически обучались в составе боевого расчета, участвовали в проведении не менее двух комплексных занятий, сдавали зачет и при получении оценки не ниже «хорошо» допускались к самостоятельной работе.

В индивидуальной подготовке много внимания уделялось общевойсковым дисциплинам: строевой, огневой, физической подготовке и защите от оружия массового поражения. Однако особый упор делался на техническую и специальную подготовку, успешное освоение программ которых во многом определяло успешное выполнение боевой задачи.

Проведенный анализ документов, связанных с организацией подготовки личного состава в рассматриваемый период, позволил опре-

делить **основные формы специальной подготовки**: теоретическая подготовка личного состава; практическая подготовка номеров боевых расчетов (индивидуальные и групповые тренажи); слаживание боевых расчетов в ходе комплексных занятий и тактико-специальных учений; учебно-боевые пуски ракет (как на полигоне, так и с боевых стартовых позиций).

В период образования и становления РВСН особую актуальность приобрела проблема подготовки офицерских кадров. Связано это было, прежде всего, с тем, что в тот период Ракетным войскам было передано значительное количество офицеров из других видов Вооруженных Сил и родов войск. Сложность заключалась еще и в том, что к офицеру-ракетчику предъявляются особые требования. В нем должны сочетаться качества командира, владеющего основами ведения общевойскового боя, имеющего необходимые знания и навыки по огневой, строевой, физической подготовке, общевойсковым уставам, и качества инженера, знающего электротехнику, механику, оптику, баллистику и другие основополагающие для ракетной техники дисциплины, умеющего разбираться в электрических схемах, знать требования эксплуатационной документации. Наряду с этим ему необходимо уметь грамотно и доходчиво довести имеющиеся знания до подчиненного личного состава. В большинстве своем этим критериям в это время удовлетворяла лишь небольшая часть офицеров.

Анализ документов, связанных с подготовкой офицеров, позволил выделить основное содержание **командирской подготовки**. Оно включало: повышение личной технической подготовки; глубокое изучение и освоение ракетной техники и способов ее боевого применения; совершенствование умений и навыков в организации выполнения боевых задач, управление частями и подразделениями в различных условиях обстановки; совершенствование методического мастерства в обучении и воспитании подчиненных.

Обучение офицеров проводилось по группам, формируемым в соответствии со специальностью и занимаемой должностью. Широкое распространение получил **метод индивидуальных заданий**. В основу разработки индивидуальных заданий был положен принцип — *каждый командир лично разрабатывает индивидуальные задания для своих подчиненных*. В индивидуальные задания включались вопросы специальной, тактической и общевойсковой подготовки. Контроль за выполнением индивидуальных заданий возлагался на командира и штаб части, командиров дивизионов и батарей. Отлично зарекомендовал себя **метод сборов**, занятия на которых вели наиболее опытные и подготовленные офицеры. Полученные знания закреплялись в ходе самостоятельной подготовки. Особое место в системе командирской подготовки и подготовки штабов занимала тактическая подготовка, так как сложность ракетного оружия заключается не только в его техническом устройстве, но и в тактическом применении.

Такой подход к обучению позволил добиться высокого уровня подготовки офицеров всех категорий в соответствии с занимаемой должностью и функциональными обязанностями.

Следует отметить, что особое внимание командование РВСН уделяло подготовке штабов.

При этом основные усилия направлялись на умение непрерывно управлять подчиненными подразделениями; своевременное и точное производство всех расчетов, необходимых для правильного оформления и своевременного доведения до подразделений решений командира; умение организовывать боевое и материальное обеспечение

подразделений; правильную организацию боевой подготовки и оказание методической помощи подразделениям.

Основными формами подготовки штаба были штабные тренировки, командно-штабные военные игры, командно-штабные учения (выходы в поле) со средствами управления и подготовка штаба на тактических учениях.

В целом в ходе подготовки штабов командиры и офицеры совершенствовались в вопросах организации боевых действий на местности, их всестороннего обеспечения и непрерывного управления, получали навыки в отработке боевых документов.

Важнейшим направлением боевой подготовки в рассматриваемый период являлась *подготовка к заступлению на боевое дежурство*, которая состояла из **трех последовательных этапов**. На первом этапе личный состав проходил первоначальное теоретическое и практическое обучение в учебных центрах Ракетных войск или непосредственно в местах постоянной дислокации (три месяца), которое завершалось принятием зачетов у личного состава по знанию материальной части, боевой и эксплуатационно-технической документации, правил и мер безопасности при работе на технике. Офицеры, сержанты и солдаты, получившие положительные оценки, допускались к монтажным работам, автономным испытаниям, проводимым на строящихся боевых стартовых позициях (два месяца). В ходе второго этапа личный состав участвовал в комплексных испытаниях на вводимых в эксплуатацию боевых ракетных комплексах. На третьем этапе (три месяца) личный состав осваивал боевой ракетный комплекс, принятый в эксплуатацию, после чего организовывалось несение частями и подразделениями учебного дежурства. На боевое дежурство распоряжением Главнокомандующего РВСН в зависимости от готовности ставился или полк в целом, или дивизион, или стартовая батарея. Готовность проверялась комиссией, назначенной Главным штабом Ракетных войск или командующим армией (командиром корпуса). Такой подход позволил уже к 1962 году подготовить и допустить к несению боевого дежурства большинство частей. В этих условиях возникла необходимость выработать систему боевой подготовки частей в условиях несения боевого дежурства.

Наиболее эффективной формой практической подготовки личного состава и слаживания подразделений в рассматриваемый период являлись комплексные занятия на штатной технике с участием всего личного состава боевого расчета с использованием учебно-боевой ракеты. В связи с постановкой на боевое дежурство подразделений и частей с шахтными пусковыми установками потребовалось пересмотреть организацию боевой подготовки их личного состава. Для практических занятий на шахтных пусковых установках разрешалось использовать штатную технику в период понижения боевой готовности пусковой установки в ходе регламентированного технического обслуживания. Данное обстоятельство приводило к длительным перерывам в обучении личного состава. Однако к 1965 году после создания комплексного тренажера данная проблема была решена.

По-прежнему продолжала остро стоять проблема материального обеспечения боевой подготовки, поэтому одним из первоочередных стал вопрос совершенствования учебно-материальной базы. Широко развернулась рационализаторская работа, оборудовались электрифицированные стенды, создавались тренажеры. Развитие учебно-материальной базы проводилось по **двум направлениям**. П е р в о е — оборудование классов стендами, разрезами узлов, агрегатов и

деталей, методическими пособиями, техническими описаниями и альбомами чертежей для изучения личным составом устройства ракетного вооружения; второе — разработка индивидуальных и комплексных тренажеров и обеспечение частей учебными и учебно-тренировочными ракетами для практического обучения и слаживания смен и расчетов.

Первые образцы тренажерной аппаратуры, созданные силами войсковых частей, были весьма несовершенны и не удовлетворяли требованиям подготовки как отдельного специалиста, так и подразделения в целом. В 1962 году для разработки более совершенной учебно-тренировочной аппаратуры были привлечены высшие военно-учебные заведения, научно-исследовательские институты, предприятия промышленности, арсеналы и отдельные конструкторские бюро. В этом же году в соединениях был проведен конкурс на лучшую учебно-материальную базу, который дал новый толчок развитию творчества и рационализаторства на местах.

Большое значение для повышения уровня боевой подготовки имело введенное в начале 1963 года в РВСН новое положение «О классности специалистов». По данному положению присвоение звания специалиста 3-го класса и награждение соответствующим нагрудным знаком являлось прерогативой командира полка (части, базы), командир ракетной дивизии присваивал звание специалиста 2-го и 1-го класса, а командующий объединением — классную квалификацию «Мастер». Это позволило наиболее качественно подойти к оценке уровня обученности всего личного состава и исключить субъективный подход и формализм.

Как отмечалось выше, одним из основных требований, предъявляемых к воинам-ракетчикам, наряду с высокой индивидуальной подготовкой является достижение слаженных действий расчета, подразделения, части в силу того, что ракетное оружие — это оружие группового использования. Успешное выполнение поставленной задачи зависит от четких, безошибочных действий каждого номера боевого расчета.

Исходя из этого важнейшим направлением боевой подготовки была *подготовка и слаживание частей и подразделений*. Она проводилась в ходе проведения комплексных занятий, занятий по тактической подготовке и учений.

Как известно, высшей формой совершенствования полевой выучки являются учения и маневры. Период образования и становления РВСН изобилует проведением всевозможных учений как в масштабе Ракетных войск, так и Вооруженных Сил. Данные учения проводились также в ходе оперативной подготовки генералов и офицеров оперативно-стратегического звена. В этот период впервые разрабатывались и проводились под руководством Главнокомандующего РВСН учения с ракетными армиями и дивизиями, внедрялась система регулярных тренировок с органами и пунктами управления войск в центре. Подготовка командования, штабов и других органов управления дивизий и армий организовывалась под руководством командующих армиями и командиров корпусов на учениях, в системе командирской подготовки, на оперативных сборах, теоретических и практических занятиях и в процессе военно-научной работы. Подготовка и слаживание органов управления осуществлялись на штабных тренировках, в ходе военных игр, на командно-штабных и оперативных учениях.

Одно из первых учений в масштабе Ракетных войск было проведено в 1960 году под руководством начальника Главного штаба Ракетных войск генерал-лейтенанта М.А. Никольского с использованием

имевшихся средств управления. В 1963 году в практику оперативной подготовки вошло проведение стратегических и оперативно-стратегических командно-штабных военных игр, в ходе которых практически отрабатывались вопросы ведения стратегических операций начального периода войны. Начиная с 1964 года представители РВСН принимали участие в проводимых министром обороны и начальником Генерального штаба оперативно-стратегических учениях Вооруженных Сил.

На учениях главное внимание уделялось вопросам отработки надежности управления ядерными силами страны и взаимодействия между видами Вооруженных Сил, имеющими ядерное оружие.

В оперативной подготовке значительное место занимало изучение военного потенциала стран вероятного противника, особенно его стратегических ракетно-ядерных сил наземного, морского и воздушного базирования, тактико-технических характеристик ракет и другой военной техники (их количество, места базирования, районы боевого патрулирования атомных подводных лодок-ракетоносцев, подлетное время различных типов ракет от точки старта до нашей территории, боевые возможности, тактика действий разведывательно-диверсионных групп войск специального назначения; возможности разведывательных искусственных спутников Земли по обнаружению объектов Ракетных войск).

Одним из самых важных показателей эффективности боевой учебы всегда оставались *учебно-боевые пуски ракет*. Обычно они готовились и проводились в рамках учений с участием большинства частей, подразделения и органы управления которых имели возможность практически отрабатывать этапы действий в условиях, близких к боевым. Причем пуски ракет отрабатывались в различных условиях обстановки, по различным вариантам задействования системы боевого управления. Всего с момента образования РВСН с полигонов, боевых стартовых позиций и позиционных районов ракетных полков было осуществлено почти 4500 пусков ракет, из которых около 500 как учебно-боевые в рамках боевой подготовки, в том числе более 30 учебно-боевых пусков ракет в ходе командно-штабных учений и тренировок оперативного и стратегического уровня⁴.

Большую роль в создании системы боевой подготовки сыграло *обобщение и распространение передового опыта* лучших подразделений, частей и соединений. Этому способствовало проведение в войсках научно-методических и военно-научных конференций, инструкторско-методических и показательных занятий, методических совещаний и сборов. В результате уровень обученности частей и качество проведения учебно-боевых пусков заметно повысились. Если в 1963 году с оценкой «хорошо» и «отлично» было проведено 82 % пусков, то в 1965 году — 96 %⁵.

Огромную роль при подготовке личного состава на начальном этапе создания РВСН сыграли полигоны Капустин Яр и Байконур. Они уже имели опыт организации подготовки личного состава инженерных бригад РВГК, обладали подготовленными офицерами-инструкторами. На этих полигонах личный состав частей и подразделений РВСН совершенствовал полевую выучку, проводил учебно-боевые пуски ракет.

В 1962 году РВСН приняли непосредственное участие в разрешении Карибского кризиса. В ходе операции «Анадыр» личный состав Ракетных войск показал высокую боевую выучку, выдержку, хладно-

⁴ Сухина Г.А., Ивкин В.И., Резник А.В. Стратегические ракетчики России. С. 48.

⁵ Ракетные войска стратегического назначения: Военно-исторический труд. С. 102.

кровие и способность к выполнению боевой задачи в сложных условиях обстановки. В ходе операции на Кубу была передислоцирована и приведена в боевую готовность 51-я ракетная дивизия под командованием генерал-майора И.Д. Стаценко. В составе этой дивизии было доставлено около 8 тыс. военнослужащих, 42 ракеты Р-12, 36 ядерных головных частей, более 9,5 тыс. т строительных материалов и оборудования, более 1 тыс. т продовольствия. Благодаря высочайшей организации, напряженной работе, мужеству и стойкости ракетчиков уже 27 октября 1962 года (через 48 суток с момента прибытия первого корабля) дивизия была готова к нанесению ракетно-ядерного удара с 24 пусковых установок. Операция «Анадырь», ее итоги и уроки во многом предопределили роль стратегических ядерных сил нашей страны как основного средства сдерживания агрессии против СССР и России⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что период 1959–1965 годов явился основополагающим в истории боевой подготовки РВСН. Он характеризовался напряженной работой по созданию системы боевой подготовки. В это время разрабатывались основные документы, совершенствовалась учебно-материальная база, большое внимание уделялось совершенствованию индивидуальной подготовки личного состава, слаживанию подразделений в процессе проведения учений, испытаний, проведению учебно-боевых пусков.

С введением в действие в 1960 году *Положения о боевом дежурстве частей и подразделений Ракетных войск* первоочередной стала задача по подготовке личного состава к заступлению на боевое дежурство, а к 1962 году, когда большинство частей были обучены и допущены к несению боевого дежурства, возникла необходимость выработать систему боевой подготовки частей в условиях несения боевого дежурства. Связано это, прежде всего, с особой важностью данной задачи, поэтому в течение всего времени существования РВСН шел поиск наиболее эффективных форм и методов подготовки личного состава боевых расчетов для успешного выполнения боевой задачи.

В настоящее время также необходимо уделять неослабное внимание данному вопросу, хотя сложившаяся обстановка (не только в Вооруженных Силах, но и в стране) накладывает ряд ограничений и условностей на проведение мероприятий боевой подготовки. Наряду с подготовкой к несению боевого дежурства особое внимание требует индивидуальная (специальная, техническая, общевойсковая) подготовка как рядового, так и офицерского состава.

На основании проведенного анализа можно выделить основные **факторы**, влияющие на развитие системы боевой подготовки: состояние учебно-материальной базы; характер будущих войн и способы ведения боевых действий; взгляды вероятного противника на ведение боевых действий и уровень его боевой подготовки; профессиональное и методическое мастерство командиров.

В заключение следует подчеркнуть, что в современных условиях рациональное использование исторического опыта создания системы боевой подготовки РВСН поможет избежать ошибок в обучении воинов-ракетчиков.

⁶ Сухина Г.А., Ивкин В.И., Резник А.В. Стратегические ракетчики России. С. 31.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СООБЩЕНИЯ

27 АПРЕЛЯ 2007 ГОДА состоялось заседание рабочей группы Российского оргкомитета «Победа» по координации работы с государственными органами, общественными объединениями и творческими союзами по объективному, научно обоснованному освещению военной истории Отечества и предотвращению фактов ее искажения. В нем приняли участие: М.А. Гареев — президент Академии военных наук (руководитель группы), А.А. Кольтюков — начальник Института военной истории МО РФ (заместитель руководителя группы), В.А. Евдокимов — начальник Центрального музея МВД России, В.А. Золотарев — член ученого совета Института военной истории МО РФ, И.А. Капитанец — адмирал флота, А.В. Кирилин — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, Г.А. Куманев — руководитель Центра военной истории Института российской истории РАН, О.К. Матвеев — начальник отдела Центра общественных связей управления программ содействия ФСБ России, С.А. Модестов — советник департамента Управления Президента РФ по кадровым вопросам и государственным наградам, М.Ю. Мягков — заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, Д.Н. Филипповых — заместитель руководителя научного отделения военной истории Академии военных наук. Были заслушаны и обсуждены доклады представителя Минобразования РФ В.С. Порохни (директора межвузовского центра по историческому образованию в вузах РФ) «О состоянии учебных программ, учебников и качества преподавания отечественной истории в школах и высших учебных заведениях» и начальника Института военной истории МО РФ А.А. Кольтюкова «О состоянии разработки учебников и качества преподавания военной истории в военно-учебных заведениях Минобороны РФ».

Было отмечено, что за последние годы приняты меры по контролю за подготовкой учебников и совершенствованию содержания методики преподавания истории нашей страны. Появились учебники, в основном отвечающие своему назначению и написанные с научно обоснованных позиций.

Вместе с тем еще существует много изъянов и серьезных погрешностей в изучении отечественной истории. Фальсифицируются, искажаются многие исторические события и факты. Преподавание истории часто сводится к ознакомлению обучающихся просто с перечнем и хронологией исторических фактов. В извращенном виде даются оценки важнейших событий истории и исторических личностей. Больше всего фальсифицируется история Великой Отечественной войны.

Это наносит серьезный ущерб престижу нашей страны на международной арене. А негативное отношение к прошлому лишает граждан России уверенности в будущем.

Неуважительное отношение к прошлому насаждается не только в учебниках истории, но и в других пособиях, в том числе учебниках литературы. Негативный характер носят тематические задания и набор вопросов по истории России в системе единого государственного экзамена. Не принято конкретных мер и по наведению порядка в изданиях школьных и вузовских учебников отечественной истории. К сожалению, и в военных вузах свернуто до предела изучение военной истории. Этим не только снижается уровень образования, но и недооценивается один из источников воинского воспитания и развития творческого мышления офицеров.

По итогам заседания были приняты решения по многим проблемам, требующим неотложного внимания:

подтвердить предложение рабочей группы от 15.06.2006 г. о необходимости вынесения на заседание оргкомитета «Победа» вопроса о научно обоснованном, объективном освещении отечественной истории в исторической литературе, в школьных и вузовских учебниках и мерах по предотвращению ее фальсификации, и прежде всего истории Великой Отечественной войны;

предложить РОК «Победа» рассмотреть возможность разработки Федеральной целевой программы «История России»;

рекомендовать Министерству образования, Министерству обороны и другим ведомствам, имеющим в подчинении учебные заведения, усилить контроль за подготовкой учебников истории для школ и вузов, принять меры к улучшению качества преподавания истории с точки зрения его научной достоверности и усиления воспитательного аспекта исторического образования;

вынести на рассмотрение РОК «Победа» ход выполнения поручения Президента РФ (от 05.08.2003 г.) по подготовке новой многотомной истории Великой Отечественной войны, которая могла бы послужить научным и методологическим ориентиром для создания добротных учебников по истории;

на заседании оргкомитета «Победа» принять обращение к общественности, СМИ, историками о недопустимости извращения истории Отечества. Активизировать деятельность научных организаций, историков, ветеранских организаций по предотвращению фальсификации отечественной истории, и особенно истории Великой Отечественной войны.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В связи с многочисленными обращениями авторов журнала повторно сообщаем, что на февральском (2007 г.) заседании Экспертного совета по военной науке Высшей аттестационной комиссии исправлено досадное недоразумение, и военно-теоретический журнал «Военная Мысль» включен в новую редакцию «Перечня ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации», в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертационных работ.

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

В подготовке номера принимали участие:

Научные редакторы: В.В. Заборский, В.Н. Каранкевич, Д.В. Козин, Ю.М. Корольков,
В.В. Передреев, В.М. Прилуцкий, А.Г. Цымбалов
Литературные редакторы: Н.В. Ефремова, С.Г. Коденко, О.Н. Чупшева (зам. отв. секретаря)

Компьютерная верстка: Э.В. Павленко, Д.А. Нуреева

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Сдано в набор 03.05.07.

Формат 70x108 1/16

7 усл. печ. л.

Печать офсетная

Допечатная подготовка — Редакционно-издательский центр МО РФ

Подписано к печати 18.05.07

Бумага газетная

11,9 усл. кр.-отт.

Заказ

Отпечатано в типографии ФГУП «ИД» «Красная звезда»